

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ
УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РОЛЬ РОССИИ**

№ 36 / 2016

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2016

УДК 327.5(470+571):471

ББК 66.4(2Рос),302

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член–корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторы:

канд. ист. наук **А.В. Гушин**; канд. ист. наук **А.Г. Данков**; канд. ист. наук **С.М. Маркедонов**; канд. ист. наук **С.В. Рекеда**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; **Д.М. Хаспекова**

К65 Конфликты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России. Рабочая тетрадь № 36/2016 / [А.В. Гушин; А.Г. Данков; С.М. Маркедонов; С.В. Рекеда]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 52 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978–5–9909275–9–9

Украинский кризис актуализировал тематику замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, продемонстрировав, что дезинтеграционные процессы на территории бывшего СССР завершены еще не в полной мере. В связи с этим важным представляется анализ причин возникновения этно–территориальных конфликтов в данном регионе, основные факторы, влияющие на их развитие, и потенциальные точки возникновения аналогичных кризисных ситуаций.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет–портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper36

Содержание

Введение	4
1. Конфликтный потенциал стран Балтии	5
2. Украинский кризис – современная ситуация и тенденции развития	11
3. Кавказ – регион повышенного риска	26
4. Конфликты в Центральной Азии	45
Об авторах	51

Введение

Украинский кризис актуализировал тематику замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, продемонстрировав, что дезинтеграционные процессы на территории бывшего СССР завершены еще не в полной мере. В связи с этим важным представляется анализ причин возникновения этно-территориальных конфликтов в данном регионе, основные факторы, влияющие на их развитие, и потенциальные точки возникновения аналогичных кризисных ситуаций на всем постсоветском пространстве.

Украинский кризис 2013–2016 гг. наряду с Карабахским, пожалуй, самый острый с военной и политической точки зрения кризис на всем постсоветском пространстве. Насильственная смена власти в Украине, создание самопровозглашенных республик на Юго-Востоке страны и последующие боевые действия, повлекшие за собой по оценкам ООН, около 10 тыс. погибших¹, трудные переговоры – все это вот уже три года представляет собой важнейший пункт повестки дня современных международных отношений.

В свою очередь, рассматривая страны Балтии в контексте поставленной проблемы, следует говорить скорее о потенциальных конфликтах, а не о действующих или замороженных, как, например, на Украине, в Молдове или южнокавказских республиках.

За четверть века, прошедшие после распада Советского Союза, Кавказский регион, долгое время считавшийся периферией мировой политики², оказался в фокусе внимания не только соседей по региону, но и влиятельных участников международных процессов. Бывшие республики советского Закавказья в одночасье стали субъектами международного права, обозначив собственные национальные интересы и внешнеполитические приоритеты. Образование независимых государств сопровождалось острыми территориальными конфликтами, поиском новых механизмов обеспечения региональной безопасности и форматов международного сотрудничества.

Важность конфликтов в Центральной Азии определяется двумя базовыми факторами. Первый фактор – большая численность населения. Население Центральной Азии больше, чем население бывших советских республик в Восточной Европе от Эстонии до Украины вместе взятых, в три раза больше довоенного населения Сирии и лишь немного уступает населению Турции или Ирана. Поэтому любой крупный конфликт в регионе, безусловно, вызовет большие человеческие жертвы и массовый исход беженцев. Второй фактор – в рамках глобального «поворота на Восток» конфликтный потенциал Центральной Азии будет оказывать существенное влияние на отношения России с одной стороны, и Китая, Турции и других азиатских стран – с другой.

Цель данной публикации – дать максимальный детальный анализ конфликтного потенциала постсоветского пространства.

¹ ООН: На Донбассе уже погибли более 9 тысяч человек.

URL: <http://www.health.unian.net/regnews/1333893-oon-na-donbasse-uje-pogibli-bolee-9-tyisyach-chelovek.html>

² По справедливому замечанию американского историка, профессора Джорджатунского университета Чарльза Кинга, Кавказ пережил период «относительного спокойствия и изоляции», а западные дипломаты, которые посещали этот регион в период «железного занавеса», оставляли отчеты, напоминавшие по своему стилю «впечатления путешественников XVIII столетия». См.: King Ch. The ghost of freedom. A history of the Caucasus. Oxford: Oxford univ.press, 2008. P. 199.

1. Конфликтный потенциал стран Балтии

Сергей
РЕКЕДА

Рассматривая страны Балтии в контексте поставленной проблемы, следует говорить скорее о потенциальных конфликтах, а не о действующих или замороженных, как, например, на Украине, в Молдове или южнокавказских республиках.

В настоящее время в Литве, Латвии и Эстонии сформированы экономические, идеологические и этнические предпосылки конфликта. Социологические опросы демонстрируют общественный раскол в этих странах, который за постсоветские 25 лет так и не удалось преодолеть. Наиболее ярко об этом говорит сохраняющееся в Латвии и Эстонии «этническое» голосование: русскоязычные жители голосуют преимущественно за «русские» партии, а титульные этносы – за «свои» политические силы. По признанию Нила Ушакова, лидера партии «Согласие», имеющей самую крупную фракцию в латвийском Сейме, латыши составляют лишь 10–20% ее электората. Примерно такая же ситуация с Центристской партией Эстонии, которая входит в число наиболее крупных и популярных в стране. На долю представителей титульной нации в электорате этой политической силы приходится всего около 15%³. При этом ни одна из этих «русских» партий не допускается к участию в формировании правительства.

Относительно Литвы правомерно говорить не просто о русскоязычных партиях, а о политической оппозиции нацменьшинств в целом, выразителем мнения которых выступает Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ). Эта политическая сила традиционно идет на выборы в коалиции с «Русским альянсом». В силу того, что поляки составляют лишь 6,6% населения Литвы, а русские – 5,8%, представительство ИАПЛ⁴ в Сейме невелико – всего 8 депутатов из 141. Однако уже этого достаточно для вялотекущего конфликта между данной партией и литовскими консерваторами, негласным лидером которых остается президент Литвы Даля Грибаускайте. Незадолго до выборов главы государства в 2014 г. Д. Грибаускайте в стенах Европарламента напрямую заявила⁵ своему конкуренту по предвыборной гонке и лидеру литовских поляков Вольдемару Томашевскому, что цель политической карьеры последнего заключается в «дискредитации Литвы в самой стране, в этом дворце и международной сфере». Неудивительно, что в мае того же года в районах компактного проживания поляков В. Томашевский получил на президентских выборах несравнимо больше голосов, чем Д. Грибаускайте. Например, результаты голосования в Шальчининкском районе фактически граничили с кризисом легитимности руководства страны: за лидера поляков отдали голоса 73% избирателей, за Д. Грибаускайте – 3,5%⁶.

³ Загородний А. Ушаков: «Нет никакого смысла ругать Россию» // Vesti.lv. 13 ноября 2014 г.
URL: <http://www.vesti.lv/news/ushakov-net-nikakogo-smysla-rugaty-rossiyu/print>

⁴ Зайнашев Ю. У защитников русских в Эстонии могли украсть голоса // Взгляд. 2 марта 2015 г.
URL: <http://www.vz.ru/world/2015/3/2/732229.html>

⁵ Сейм Литовской Республики. Фракции членов Сейма.
URL: http://www3.lrs.lt/ru/Seimo_fracijos_ru.htm

⁶ Kazlų Rudos gyventojai įsiuto: gaisrinės pašonėje sudegė garažas // Lrytas.tv. 16 May, 2015.
URL: <http://www.tv.lrytas.lt/?id=14631498961462400474>

Межэтническое напряжение в странах Балтии усугубляется экономическими проблемами в районах компактного проживания русскоязычного населения. Весной 2016 г. безработица в эстонском уезде Ида-Вирумаа достигла 12%⁷ при среднем показателе по стране 4,8%. В латвийской области Латгалия, по данным⁸ на тот же период, уровень безработицы также превысил средний показатель по стране – 11,9% против 8,8%.

Несмотря на то, что элиты стран Балтии иногда и смягчают противороссийскую риторику, общий политический курс по-прежнему настроен на «закручивание гаек» по вопросу национальных меньшинств.

Украинский кризис, развернувшийся неподалеку от балтийских республик, оказал серьезное воздействие на восприятие их руководством проблем общественной интеграции. Первоначальный эффект можно было назвать положительным. Известная своей жесткой националистической риторикой Солвита Аболтиня, на тот момент спикер парламента Латвии и лидер премьерской партии «Единство», в марте 2014 г. неожиданно заявила⁹: «Каждый человек, проживающий в нашей стране, – большая ценность вне зависимости от его национальности... Делить людей по национальной принадлежности нельзя». Для правящего латвийского политика такое заявление само по себе означает заметную уступку и смягчение позиции. Буквально через две недели после выступления С. Аболтини Лаймдота Страуюма, занимавшая в то время пост премьер-министра, высказалась¹⁰ еще более определенно, призвав русских и латышей быть более дружественными по отношению друг к другу.

Однако подобные шаги оказались лишь минутной слабостью представитель прибалтийских элит. Общий политический курс Литвы, Латвии и Эстонии в период после украинского Майдана характеризуется беспрецедентным за все постсоветские годы закручиванием гаек в отношении нацменьшинств. Наступление на их права осуществляется сразу по трем направлениям: сворачивание образования на языке нацменьшинств, борьба с идеологически «неверной» символикой и формирование образа врага в лице России и русскоязычного населения балтийских стран.

Самый пессимистичный сценарий реформы предусматривает конечной целью создание образовательной программы, согласно которой в русскоязычных школах к 2018 г.

Первое направление проявилось наиболее явно в Латвии. Спустя несколько недель после заявлений высокопоставленных чиновников о дружбе между латышами и русскими Министерство образования начало разработку пред-

⁷ Райбман Н. Даля Грибаускайте лидирует на президентских выборах в Литве // Ведомости. 12 мая 2014 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/05/12/dalya-gribauskajte-lidiruet-na-prezidentskih-vyborah-v-litve>

⁸ В апреле в Эстонии было зарегистрировано 30 466 безработных // RusDelfi. 11 мая 2016 г. URL: <http://www.rus.delfi.ee/daily/business/v-aprele-v-estonii-bylo-zaregistrovano-30-466-bezrobotnyh?id=74491661>

⁹ Уровень безработицы в Даугавпилсе снизился // Nasha.lv. 11 мая 2016 г. URL: <http://www.nasha.lv/V-DAUGAVPILSE/1/7608/Uroven-bezroboticy-v-Daugavpils-snizilsyal>

¹⁰ Аболтиня: нельзя делить людей по национальности // RusDelfi. 12 марта 2014 г. URL: <http://www.rus.delfi.lv/news/daily/latvia/aboltinya-nelzya-delit-lyudej-po-nacionalnosti.d?id=44293503>

ложений по переводу всех школ для нацменьшинств на латышский язык. Самый пессимистический сценарий реформы предусматривает¹¹ создание образовательной программы, по которой 90% предметов в русскоязычных школах к 2018 г. будут преподаваться исключительно на латышском языке. Аналогичный курс на ликвидацию обучения на языках нацменьшинств планомерно реализуется руководством Эстонии¹² и Литвы¹³.

Общественные активисты, выступающие за права нацменьшинств в странах Балтии или неграждан в Латвии и Эстонии, получили посредством публикации в ежегодных отчетах спецслужб ярлык «пятой колонны».

Второе направление «постмайданной» национальной политики проявилось в окончательном запрете на территории балтийских республик символики СССР и Победы в Великой Отечественной войне – Знамени Победы, серпа и молота и т.д. Конечно, прибалтийский истеблишмент стремился зачистить свои страны от любой советской атрибутики на протяжении всех лет после распада СССР, а реализация этих желаний началась¹⁴ еще до украинского кризиса. В Латвии соответствующая символика была запрещена в 1991 г., а в 2013 г. ограничения ужесточили. В Эстонии запрет изображения И. Сталина, звезд, серпа, молота и прочих символов минувшей эпохи был введен в 2007 г., в Литве – в 2008 г. Но начиная с 2014 г. за соблюдением данного закона в странах Балтии стали следить особенно пристально. Например, в мае 2016 г. в Вильнюсе был задержан¹⁵ и оштрафован гражданин Эстонии, украсивший свой автомобиль изображением ордена Отечественной войны. Причем под удар в Литве попали и символы, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к коммунизму и КПСС. В январе 2016 г. литовские консерваторы предложили приравнять к советской символике георгиевскую ленту. При этом именно в Литве явно заметен переход антироссийских настроений с политического уровня на общественный. После украинского кризиса в литовских СМИ стали появляться материалы¹⁶ об «обеспокоенности» простых жителей публичной демонстрацией в стране российского флага. Сообщалось¹⁷, в частности, и о том, что неизвестные поцарапали автомобиль за наличие в нем георгиевской ленты.

Третья тенденция общественно–политической жизни балтийских республик после украинского кризиса – радикализация риторики их руководителей

¹¹ Страуяума: латыши и русские – дружба навек? // Русский TVNET. 29 марта 2014 г.

URL: http://www.rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/253799-straujuma_latishi_i_russkije_druzba_navjek

¹² Друвиете: план по реформе-2018 будет представлен еще до выборов // RusDelfi. 15 апреля 2014 г.

URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/druviete-plan-po-reforme-2018-budet-predstavlen-esche-do-vyborov?id=44400289>

¹³ Веретенников В. Русский, марш! С новым правительством в Латвии обострятся языковые проблемы // Лента.ру. 16 февраля 2016 г. URL: <https://www.lenta.ru/articles/2016/02/16/bezrussskogo>

¹⁴ Русаков М. Русские школы Эстонии: быть или не быть? // ИА Regnum. 06 мая 2016 г.

URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/2129358.html>

¹⁵ Носович А. В Литве готовят ликвидацию образования на русском и польском языках // Аналитический портал о Балтийском регионе RuBaltic.Ru. 31 июля 2015 г.

URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/31072015-likvidatsiya-obrazovaniya>

¹⁶ Носович А. Совет Европы: оправдан ли запрет советской символики? // RuBaltic.Ru. 21 марта 2013 г.

URL: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/soviet-evropy-opravan-li-zapret-sovetskoy-simvoliki>

¹⁷ В Литве задержали украсившего свой автомобиль советской символикой эстонца // Лента.ру. 14 мая 2016 г. URL: <https://www.lenta.ru/news/2016/05/14/ussr>

в отношении России, выдворение из этих стран «недостаточно лояльных» экспертов и журналистов, а также публичное приравнивание деятельности русскоязычных общественных деятелей к антигосударственной активности в официальных отчетах спецслужб.

Например, с начала украинского кризиса из Эстонии были депортированы итальянский журналист и бывший депутат Европарламента Джульетто Кьеца, российский политолог, замдиректора Института стран СНГ Владимир Жарихин, академик, на тот момент директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков, из Латвии – генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности, первый проректор Финансового университета при Правительстве РФ Константин Симонов, из Литвы – историк, директор Фонда «Историческая память» Александр Дюков. И это далеко не полный список. Лояльные России общественные деятели внутри самих прибалтийских республик подверглись серьезному давлению. В течение 2014 г. из руководства общественной организации «Конгресс неграждан» Латвии посредством давления на бизнес-интересы был выведен целый ряд молодых и активных правозащитников. Другие общественные активисты, выступающие за права нацменьшинств в странах Балтии или неграждан в Латвии и Эстонии, получили в ежегодных отчетах спецслужб ярлык «пятой колонны». Аналогичный статус «идеологического диверсанта» от прибалтийских спецслужб получают такие СМИ, как «Sputnik» в Литве, Латвии и Эстонии, «Russia Today», «Baltnews» и др. В регионе активно проводится политика прямого запрета и цензуры в отношении тех средств массовой информации, позиция которых расходится с официальной позицией руководства прибалтийских государств. Так, за последние годы под предлогом «неверного» освещения событий не раз запрещалась трансляция¹⁸ телеканалов *Ren TV Baltic*, *NTV Mir Lithuania* и *RTR Planeta*.

Политическая элита делегировала часть украинского суверенитета западным союзникам.

Однако вероятность того, что в этих условиях потенциальные конфликты перейдут в активную фазу, невелика. За минувшие 25 лет балтийские страны покинула значительная часть молодого и активного населения, которая могла бы стать движущей силой этого противостояния. Только за 2015 г. отъезд из Литвы¹⁹ задекларировали 46,5 тыс. человек, что на 9,9 тыс. больше, чем годом ранее, в Эстонии²⁰ – 13 тыс., из Латвии в 2014 г. выехали более 19 тыс. человек (официальные данные за 2015 г. еще не обнародованы).

Кроме того, описанные выше условия для возникновения конфликта сложились довольно давно. На страницах СМИ можно было часто встретить суждение о возможности повторения в странах Балтии «украинского

¹⁸ В Литве предлагают причислить Георгиевскую ленту к запрещенной советской символике // RuDelfi. 29 января 2016 г. URL: <http://www.ru.delfi.lt/news/live/v-litve-predlagayut-prichislit-georgievskuyu-lentu-k-zapreschennoj-sovetskoj-simvolike.d?id=70257534>

¹⁹ Спурите В. Флаги России в окнах студенческого общежития вызвали беспокойство // RuDelfi. 16 ноября 2014 г. URL: <http://www.ru.delfi.lt/news/live/flagi-rossii-v-oknah-studencheskogo-obschchzhitija-vyzvali-bespokojstvo.d?id=66408854>

²⁰ В Литве предложено приравнять георгиевскую ленточку к нацистским символам // Взгляд. 29 января 2016 г. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/1/29/791264.html>

сценария». В действительности же все произошло с точностью до наоборот. В 2014 г. Украина вступила на путь «балтизации» общественно-политической жизни: стартовала форсированная декоммунизация, главной целью существования государства было объявлено присоединение к «демократической европейской семье», а главной угрозой для страны – «имперские амбиции Кремля». Как следствие, политическая элита делегировала часть украинского суверенитета западным союзникам. Особенно показательно в этом плане «нашествие варягов» в руководящие органы страны: после Майдана министром экономики был назначен литовец Айварс Абромавичюс (покинул пост в апреле 2016 г.), министром финансов – американка Наталья Яресько (покинула пост в апреле 2016 г.), губернатором Одесской области – грузин Михаил Саакашвили и др. При этом стратегические активы, такие, например, как украинская газотранспортная система, были отданы под контроль внешних инвесторов (ранее украинская элита принципиально не хотела этого допускать). Родство «постмайданной» Украины и постсоветских стран Балтии демонстрируют периодические обсуждения²¹ киевских политиков возможности введения в стране института неграждан по образцу Латвии и Эстонии. По их замыслу, такая мера могла бы помочь оттеснить всех нелояльных новой власти жителей от управления государством. Страны Балтии пережили введение таких правил игры еще на рубеже 1980–1990-х гг. Поэтому, несмотря на нынешнее ужесточение политики в отношении нацменьшинств, критический момент, когда в регионе могли вспыхнуть межэтнические столкновения, был преодолен более 20 лет назад.

Тем не менее в настоящее время идет явный процесс «легендирования» потенциального конфликта в странах Балтии. Риторика правящих политиков Литвы, Латвии и Эстонии, проправительственных местных СМИ и ряда западных медиа и экспертных структур направлена на обоснование «приближающейся агрессии» со стороны России. Посредством всего этого ресурса в общественном сознании создается и продвигается априорная убежденность в том, что именно Россия несет полную ответственность за любые конфликты, которые могут возникнуть в регионе. В 2015 г. в своем ежегодном докладе президент Литвы Д. Грибаускайте прямо заявила: «Постоянный член Совета Безопасности ООН Россия сама стала агрессором, своими действиями на Украине подрывающим систему международной безопасности»²².

Подобные страхи подогревают и местные СМИ, регулярно задавая вопросом: «Смогут ли западные союзники защитить страны Балтии?»²³. Распространяется информация о якобы диверсионных действиях России в странах Балтии. За одну только весну 2016 г. прибалтийские и украинские СМИ несколько раз писали об обнаружении российских кораблей близ территориальных вод прибалтийских государств. В марте, по сообщениям журналистов²⁴, в 20 морских милях от латвийской государственной границы были

²¹ SAB 2015. Gada Darbības Pārskats. URL: http://www.sab.gov.lv/files/2015_parskats.pdf

²² В Литве на три месяца запретили трансляцию программ российского REN-TV // ИА REGNUM. 7 января 2015 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1882788.html>

²³ Премьер: эмиграция из Литвы выросла из-за призыва в армию // RuDelfi. 12 января 2016 г. URL: <http://www.ru.delfi.lt/news/live/premier-emigracija-iz-litvy-vyrosla-iz-za-prizyva-v-armiyu.d?id=70085724>

²⁴ В начале 2016 года в Эстонии проживали 1 315 944 человека // Балтийский курс (Таллинн). 05 мая 2016 г. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=120337

обнаружены два военных корабля и подводная лодка. В апреле журналисты зафиксировали²⁵ подлодку в 11 милях от территориальных вод республики, в мае – уже в 8 милях.

Достойным украшением этого процесса «легендирования» конфликта в странах Балтии стал выход по каналу BBC фильма «Третья мировая война: в командном пункте», в котором разыгрывается сценарий как раз ядерной мировой войны с Россией.

Вся эта медийная активность подкрепляется западным «экспертным мнением», которое традиционно пользуется большим доверием в этих странах как на общественном, так и на политическом уровне. В феврале 2016 г. большой резонанс вызвала публикация аналитического доклада исследовательского центра *RAND Corporation*. В документе обосновывалась идея о том, что прибалтийские страны находятся в большой опасности ввиду того, что размещенные в регионе силы НАТО в случае военного конфликта будут разгромлены Россией за три дня. Еще до появления этого доклада, летом 2015 г., американский портал *Vox* детально расписал сценарий столкновения России и НАТО в Эстонии, который якобы приведет к разрушению мира.

Таким образом, выстраивается необходимая западным странам «медийная картинка»: на вопрос прибалтийских журналистов о возможной агрессии России дается категоричный ответ – «восточная угроза» реальна, тем более для стран Балтии, и именно эта агрессия приведет к развязыванию третьей мировой войны и применению ядерного оружия. Достойным украшением процесса «легендирования» конфликта в странах Балтии стал выход²⁶ на канале BBC в 2016 г. фильма «Третья мировая война: в командном пункте», в котором разыгрывается сценарий мировой ядерной войны с Россией. Правда, согласно фильму, конфликт произойдет не из-за Эстонии, а из-за латвийской Латгалии, заселенной преимущественно русскоязычными людьми.

Политические элиты стран Балтии заинтересованы в нагнетании антироссийских фобий, с одной стороны, в силу стремления отдельных лоббистских структур увеличить отчисления на военные расходы, с другой стороны – для привлечения дополнительного внимания к себе «старших» союзников. В Западной Европе и США данная ситуация выгодна для обоснования политической позиции местных «ястребов». Поэтому возможность разворачивания вооруженного конфликта в странах Балтии зависит не столько от внутренних условий, сколько от общей конъюнктуры отношений между Россией и НАТО. При этом для антироссийской части западного истеблишмента чрезвычайно важно заранее возложить ответственность за развязывание конфликта в глазах мирового сообщества на своего оппонента.

Таким образом, минимизация рисков возникновения реального этнотерриториального конфликта в Балтийском регионе напрямую зависит от разрешения более глобальных противоречий, существующих в настоящее время в отношениях между Россией и странами ЕС и США.

²⁵ PX-Web – Select Variable and Values. URL: http://www.data.csb.gov/lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0090.px/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8

²⁶ Le Monde: Иностранцы в правительстве Украины – реверанс в сторону Запада // RT. 3 декабря 2014 г. URL: <https://www.russian.rt.com/inotv/2014-12-03/Le-Monde-Inostranci-v-pravitelstve>

2. Украинский кризис – современная ситуация и тенденции развития

2016 г. стал важным этапом на пути урегулирования ситуации на Юго-Востоке Украины. Однако в направлении политического консенсуса сторонам до сих пор продвинуться не удалось.

Александр
ГУЩИН

Развитие процесса урегулирования и актуальная ситуация

Украинский кризис 2013–2016 гг., наряду с карабахским, – это, пожалуй, самый острый конфликт на всем постсоветском пространстве. Насильственная смена власти на Украине, создание самопровозглашенных республик на Юго-Востоке страны, боевые действия, повлекшие за собой, по оценкам ООН, около 10 тыс. погибших²⁷, трудные переговоры – все это уже три года представляет важнейший пункт повестки дня современных международных отношений.

Конфликт на Юго-Востоке Украины имеет ряд особенностей, которые выделяют его на фоне других национально-территориальных конфликтов на постсоветском пространстве. Во-первых, он отличается гораздо большей заинтересованностью крупных мировых и региональных центров силы – США, России, ЕС. Во-вторых, кризис стал индикатором и катализатором ухудшения отношений между Россией и Западом. В-третьих, это пример гуманитарной катастрофы с миллионами беженцев, которую в Европе не видели со времен распада Югославии. В-четвертых, конфликт тесно связан с внутривнутриполитическими процессами в соседних странах, в первую очередь на Украине и в меньшей степени в России, и в нем, как и в приднестровском, заметно меньше этнической составляющей. Он имеет черты гражданского внутриукраинского конфликта, оппозиции политического выбора и регионального самоопределения, противостояния между курсом на унификацию и автономизацию.

В целом опыт государств постсоветского пространства показывает, что международные конференции и миротворческие форматы не стоит воспринимать как панацею от конфликтности. В случае с конфликтом на Юго-Востоке Украины мирное урегулирование, хотя бы до уровня замораживания боевых действий, оказалось крайне непростым делом.

Украинский кризис с одной стороны показал большую вовлеченность крупных центров силы, с другой – катализировал расхождение между Россией и Западом.

Всплеск боевых действий на Украине в январе 2015 г. подтвердил нежизнеспособность «Минска-1», первой серьезной попытки урегулирования. Западные партнеры демонстрировали нежелание идти на серьезные уступки России, а Украина стремилась реализовать сценарий Сербской Краины августа 1995 г. В свою очередь, Москва и ополчение Донбасса старались

²⁷ ООН: На Донбассе уже погибли более 9 тысяч человек // УНИАН, 29 апреля 2016 г.
URL: <http://www.health.unian.net/regnews/1333893-oon-na-donbasse-uje-pogibli-bolee-9-tyisyach-chelovek.html>

предотвратить развитие событий по этому сценарию – ополченцы явно пытались отодвинуть линию фронта. Вторые минские соглашения, заключенные в феврале 2015 г. при посредничестве президента Франции Ф. Олланда и федерального канцлера Германии А. Меркель, с большей эффективностью послужили основой для мирного процесса. Принятый в Минске документ показал: ни одной стороне не удалось достичь решающего преимущества в переговорах. Тем не менее Россия смогла отстоять целый ряд позиций, касающихся особого статуса некоторых районов Юго–Востока Украины в рамках возможной автономизации региона. Ожидания Запада, что Россия, отрезанная от кредитования в Европе и США и переживающая экономический кризис, признает свое стратегическое и тактическое поражение в конфликте и сдаст ДНР и ЛНР без выдвижения серьезных условий, оказались прозрачными.

Последующие события показали, что, несмотря на достигнутое соглашение, стороны по–разному трактовали последовательность пунктов его выполнения. Так, Украина считала одним из первоочередных вопросов передачу под свой контроль границы между самопровозглашенными ДНР и ЛНР, решение вопросов безопасности, а уже затем политическое урегулирование посредством выборов²⁸. Россия же выступала за синхронный процесс на основе внутриукраинского диалога, за проведение выборов и внесение в Конституцию Украины изменений, закрепляющих особый статус Донбасса. Таким образом, Россия, попав под санкционное давление Запада и видя, что в подконтрольных Киеву восточных областях движение за автономизацию и федерализацию либо не получило широкой поддержки, либо было подавлено, взяла курс на реинтеграцию ДНР и ЛНР с целью добиться предоставления им широкой автономии в составе Украины. Противоречия касались и вопроса об амнистии – в ходе переговоров в Минске Киев в противовес ДНР и ЛНР выступал против всеобщей амнистии, только за выборочную.

Очевидно, что у каждого государства–подписанта минских соглашений было собственное понимание последовательности выполнения его пунктов.

Все эти противоречия привели к тому, что стороны до сих пор не выполнили минские соглашения, а Украина не реализовала ключевой элемент политической части, которая заложена в этих соглашениях, – Закон об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей не продвигается в Верховной раде. В целом можно констатировать, что вторые минские соглашения пока обеспечили только одну свою функцию – минимизировали боевые действия, а также позволили частично продвинуться в решении вопроса об обмене военнопленными. Однако и в этом плане говорить о полном замораживании конфликта нельзя. На линии разграничения постоянно происходят столкновения, которые порой перерастают в перестрелки с применением артиллерии и танков²⁹.

²⁸ Маркедонов С., Гуцин А., Цибулина А. Украинский вызов для России // Российский совет по международным делам, 02 июля 2015 г. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=6260#top-content

²⁹ Без решения вопросов по безопасности нельзя перейти к политическим, в том числе о выборах на неподконтрольной Украине части Донбасса // ИА Интерфакс-Украина, 29 апреля 2016 г. URL: <http://www.interfax.com.ua/news/political/340999.html>

Такое положение породило стремление разработать новый инструментарий, который приблизил бы политическое урегулирование. Особенно активно с инициативами подобного рода выступали представители стран ЕС. Они несут существенные экономические потери от санкционного режима с Россией и не возражают против возвращения к диалогу с Москвой из опасений, что дальнейшая изоляция приведет лишь к усилению ее непредсказуемости.

Одновременно в ЕС растет недовольство Украиной как стороной, которая затягивает исполнение пунктов Минского соглашения и не может в должной мере выполнить программу внутривнутриполитических и экономических реформ. В связи с этим в 2015 г. появился «план Мореля», предусматривающий проведение выборов в неподконтрольных Украине отдельных районах Донецкой и Луганской областей с целью урегулирования вооруженного конфликта на Донбассе. Кроме того, предполагается принятие Верховной радой специального закона о местных выборах на территориях ДНР и ЛНР, которые де-факто были бы проведены вне полного контроля украинской стороны и «формулы Штайнмайера»³⁰. В соответствии с этой формулой Закон об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей должен временно вступить в силу в день местных выборов на Донбассе, а статья постоянно действующим только после опубликования экспертами ОБСЕ отчета с подтверждением их демократичности. Появление такого инструментария, безусловно, свидетельствовало о том, что позиция Германии и Франции за последнее время подверглась определенному дрейфу, причем не в пользу Киева. По сути, эти предложения вынуждали Украину пойти на автономизацию региона и провести выборы до того момента, когда граница будет ей передана, и до полной демилитаризации региона. Однако на сегодня ни «план Мореля», ни «формула Штайнмайера», обсуждаемые на самом высоком уровне, не начали осуществляться. Это позволяет говорить о кризисе минского процесса и об отсутствии осязаемых перспектив прогресса на переговорах.

Минские соглашения лишь минимизировали военные действия и позволили продвинуться в решении вопроса об обмене военнопленных.

По итогам встречи нормандской четверки в Берлине 19 октября 2016 г. развернулись дискуссии о полицейской миссии ОБСЕ на востоке Украины. Президент Петр Порошенко заявил, что речь идет о размещении вооруженной миротворческой миссии ОБСЕ до выборов на Донбассе и о передаче ей контроля над частью восточной границы Украины. Однако федеральный канцлер ФРГ А. Меркель после переговоров подчеркнула, что первоочередная задача – приступить к реализации политической части минских соглашений. По ее мнению, следует подготовить выборное законодательство, согласовать его между сторонами и только после этого обсуждать вопрос о вооруженной миссии ОБСЕ. Россия практически ничего не заявляла о границе. В ее интерпретации речь идет о разводе сторон в отдельных пунктах на линии соприкосновения, а также о том, что тяжелое вооружение

³⁰ Грызлов: в Донбассе необходимо политическое урегулирование // РИА Новости, 23 марта 2016 г.
URL: <http://www.ria.ru/world/20160323/1395636252.html>

самопровозглашенных республик будет находиться в специальных хабах под контролем ОБСЕ.

Тем не менее ОБСЕ в принципе не приспособлена к участию в миротворческих миссиях. Ее работники выполняют в основном функции наблюдения, и для придания ей статуса вооруженной миссии потребуется серьезная проработка. Даже если ее вооружить, это вовсе не будет означать превращение миссии в полицейскую, как об этом говорят в Киеве. Более того, решение о начале миссии, ее организации будет приниматься консенсусом всех участников ОБСЕ, многие из которых занимают по отношению к конфликту разные позиции. К тому же непонятно, каким образом Киев собирается быстро получить доступ к границе. Скорее всего, речь здесь может идти о длительном процессе передачи. Выработка дорожной карты по итогам встречи нормандской четверки в Берлине потребует серьезных усилий и будет отличаться борьбой позиций, чреватой новым затягиванием решения вопроса. Индикатором этого может служить встреча министров иностранных дел стран – участниц нормандского формата в Минске, которая показала, что стороны ждут более определенной позиции по вопросу о новой американской администрации.

Украина

Украинская позиция относительно урегулирования конфликта на Юго-Востоке в последнее время отличается особенностями, которые обусловлены целым рядом внутренних и внешних факторов.

Ввиду невозможности решить вопрос силовым путем в политической элите и в обществе в целом сформировались два течения. Первое, которое, согласно опросам, поддерживает значительная часть граждан страны, определяется стремлением прекратить все отношения с Донбассом и не предоставлять ему особый статуса³¹. Приверженцы второго течения, представленного в политической элите в основном «Оппозиционным блоком» и частью «Блока Петра Порошенко» (во многом на словах), выступают за реинтеграцию и диалог. Они подчеркивают ошибки («Оппозиционный блок») властей в вопросах мирного урегулирования, в том числе и в рамках внутривнутриполитического дискурса³².

Если на Украине открыто заявлять, что «Донбасс нам не нужен», осмеливается далеко не каждая публичная фигура, то зачастую на повестку дня выдвигаются такие условия и модели решения проблемы, которые заведомо нереалистичны и неприемлемы. Создается стойкое ощущение, что властям Украины в принципе был бы вполне выгоден замороженный конфликт. Но сохранится ли при этом действие антироссийских санкций, а главное – будет ли Киев продолжать получать помощь Запада в виде кредитов и военных поставок? Именно от получения займов во многом зависит развитие украинской экономики в 2017 г. Согласно большинству сценариев, предоставление нового транша облегчит стабилизацию валютного курса и обеспечит рост

³¹ На Донбассе ситуация с безопасностью значительно ухудшилась – ОБСЕ // Укринформ, 24 ноября 2016 г. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubric-regions/2127113-na-donbasse-situacia-s-bezopasnostu-znacitelno-uhudsilas-obsse.html>

³² Надькто О. Эксперты оценили потери западных стран от санкций в \$60,2 млрд // РБК, 06 июля 2016 г. URL: <http://www.rbc.ru/economics/06/07/2016/577ca0ed9a7947b2d5029176>

экономики в пределах 2–3%. В случае неполучения кредита (предыдущий миллиард, направленный в ЗВР для содействия стабилизации финансовой системы, уже был получен от МВФ, как говорится, с боем) при жестком монетарном курсе Национального банка Украины и сокращении расходов возможно сохранение курса гривны к доллару на уровне 30 гр. за 1 долл. и рост ВВП 0–1%. При неблагоприятном развитии событий, когда Национальному банку не удастся удержать инфляцию, политический кризис усугубится, а МВФ не даст очередного транша, вероятность разгона инфляции до 25% и падения ВВП до 2–3% довольно велика.

Руководство Украины заинтересовано в поддержании конфликта в замороженном состоянии.

Лейтмотивом украинской позиции остается выстраивание ситуации, когда Россия должна восприниматься как агрессор, а весь конфликт – как сугубо внешнее вторжение. При этом выполнение минских соглашений обуславливается несколькими обстоятельствами, прежде всего проблемой обеспечения безопасности. По замыслу Киева, это означает демилитаризацию региона, разоружение ополченцев, передачу границы и только затем решение политического вопроса через выборы по украинскому сценарию. Ведь последнее решение фактически ведет к институционализации политических лидеров Юго-Востока в политическое поле Украины, в том числе через представительство в Верховной раде³³.

Фактор Донбасса продолжает оказывать серьезное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию на Украине. С одной стороны, он обеспечивает внутреннюю консолидацию. С другой стороны, «Оппозиционный блок», критикующий власть за политику в отношении самопровозглашенных республик, и так заметно повысил свой рейтинг, особенно на востоке страны. Сама по себе реинтеграция территории с населением около 4 млн человек (примерно столько сегодня осталось в самопровозглашенных республиках) заметно изменит электоральную картину не в пользу провластных сил. Даже если «Оппозиционный блок» не будет лидировать в ДНР и ЛНР, все равно он будет обладать довольно заметной поддержкой, а в большинстве окажутся еще менее системные и приемлемые для Киева политические силы.

Следует обратить внимание и на экономический фактор. На сегодня разрыв экономических связей с Россией очень существенен. Это особенно характерно для аграрного сектора, который почти полностью переориентирован на ЕС и третьи страны. Украина за последние два года прошла довольно трудный путь евроинтеграции. Несмотря на все сложности этого процесса, на которые справедливо указывают российские и многие западные эксперты, евроинтеграция и сопровождающая ее деиндустриализация представляют собой один из возможных путей для страны. Другое дело, что он приведет к серьезным социальным изменениям, к построению преимущественно аграрной экономики и превращению Украины главным образом в агроэкспортера, причем сырьевого. Тем не менее это не исключает возможности экономиче-

³³ «Формула Штайнмайера» и решение вопроса Донбасса // РИА Новости Украина, 28 января 2016 г.
URL: <http://www.rian.com.ua/analytics/20160128/1004336347.html>

ского роста, который будет отмечаться уже в этом году. Однако в условиях такой перестройки экономики возникает вопрос: насколько выгодна властям реинтеграция территории, где имеются большие разрушения, промышленность требует реорганизации, а многие предприятия закрыты? Очевидно, что потребуется вложение больших средств.

Медленный темп преобразований в системе государственного управления влияет на позицию Украины по урегулированию.

Если говорить о динамике международной ситуации для Украины, то изменения происходят не в ее пользу. Это связано с желанием целого ряда стран ЕС восстановить отношения с Россией, с участием Москвы в урегулировании некоторых международных проблем, прежде всего сирийской, а также с разочарованием Украиной в западных элитах. Прогресс в плане реформирования системы государственного управления и борьбы с коррупцией не особо заметен, что косвенно влияет на восприятие украинской позиции по урегулированию. Кроме того, дипломатия Киева не достигла серьезных успехов в выстраивании двусторонних отношений, которым Брюссель заменителем в полной мере быть не может. Референдум в Нидерландах о судьбе ассоциации Украины с ЕС продемонстрировал, что Киеву не удалось привлечь граждан своим брендом и своей европейской идеей. Не сыграл в должной мере свою роль и виктимный образ, да и европейский обыватель слишком мало знает об Украине³⁴. Последствия референдума до сих пор сказываются на вопросе о ратификации Нидерландами Соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Хотя формулу, позволяющую обеспечить дальнейшее функционирование ассоциации, скорее всего, удастся найти, сама ассоциация – это уже вопрос не только Украины и ЕС, но и внутривнутриполитической жизни Нидерландов. Очевидно, что перед украинской дипломатией стоят серьезные кадровые вопросы, вопросы создания и развития дорожных карт, разработки системных программ, проведения проактивной, а не реактивной политики. В последнее время затормозился и процесс введения безвизового режима для граждан Украины.

В целом разочарование в украинской политической элите и внутренняя нестабильность оказывают серьезное негативное влияние на имидж страны на Западе и на ее позицию в рамках минского процесса. Киев также не смог осуществить сопряжение минского процесса и крымского вопроса, которые в политическом плане воспринимаются на Западе отдельно и не входят в первые пункты повестки дня. Украина выглядит как сторона, стремящаяся затянуть минский процесс, исходя из того, что Россию до сих пор не удалось вынудить к принятию того сценария развития событий, который выгоден Киеву. Украине в одностороннем порядке абсолютно невыгодно инициировать процесс выборов на территории ДНР и ЛНР, по крайней мере пока она не будет демилитаризована, а полицейская миссия не начнет активно работать и мониторить ситуацию не только в зоне разделения сторон, но и на всей территории самопровозглашенных республик. В относительный плюс Киеву можно записать лишь сохранение режима санкций, но и в этом вопросе

³⁴ Гушин А. Полицейская миссия ОБСЕ на Донбассе: быть или не быть? // Евразия Эксперт, 25 октября 2016 г. URL: http://www.eurasia.expert/politseyskaya-missiya-obse-na-donbasse/?sphrase_id=901

вовсе не он выступает определяющей стороной. На сегодня Киев не продемонстрировал системную политику по отношению к жителям самопровозглашенных ДНР и ЛНР. Между тем полноценная реинтеграция жителей (а вовсе не только территорий) – самая важная для Украины задача в случае реализации сценария возвращения отколовшихся территорий в ее состав.

Ситуация для Украины изменилась еще и потому, что в последние месяцы экспертное сообщество и политический класс строили тактику своих отношений с Вашингтоном исключительно на односторонней поддержке Х. Клинтон. Теперь украинские провластные политико-экспертные круги заявляют об обеспокоенности судьбой Украины. Действительно, Киев своевременно не приступил к аккуратной диверсификации своей внешней политики (пусть и с сохранением общего вектора на США), не стал активно развивать отношения с европейскими странами на двусторонней основе, не смог обеспечить необходимыми кадрами посольства, вернуться к проблеме налаживания контактов со странами Азии и более активно выступить на поле СНГ. Напротив, выбор был сделан в пользу брюссельских структур. При этом тема «фронтального государства» затмила все остальные. Линия на затягивание «Минска-2» также была взята во многом из расчета дотянуть ситуацию до выборов в США³⁵.

На данный момент Украине необходимо разрабатывать не реактивную, а проактивную внешнюю политику.

Безусловно, есть множество факторов, которые скажутся на восприятии Украины новой американской администрацией. Сыграет свою роль фактор Конгресса, с которым должен взаимодействовать Д. Трамп и который стоит на позициях поддержки Киева. Существует и фактор инерции политики, и то, что нынешняя элита постарается поставить Д. Трампа в положение, при котором его возможности политического маневра в отношении Украины и России будут ограничены. К тому же среди республиканцев немало сторонников Украины. Однако уже сейчас в Киеве высказываются опасения относительно возможности «большой сделки» между Вашингтоном и Москвой за счет Украины. Действительно, у России и США появилось, наконец, окно возможностей. Но и здесь есть ряд проблем, начиная с непредсказуемости Д. Трампа. Он может стать вовсе не голубем, а ястребом, что не раз демонстрировали президенты-республиканцы. Но с высокой долей вероятности можно утверждать, что получать финансовую помощь Киеву теперь будет гораздо сложнее. Республиканская администрация, менее подверженная влиянию идеологии, будет более прагматичной. По-видимому, особенно важным временным отрезком будет период весны 2017 г. В случае отсутствия прогресса в реализации минских соглашений со стороны Украины и топтания на месте в части борьбы с коррупцией украинский вопрос может еще больше отойти на задний план в международной повестке. Многое в этом контексте будет зависеть и от результатов выборов в ведущих европейских странах.

³⁵ Дризе Д. «Участники нормандского формата ждут, что скажет Трамп» // Коммерсант FM, 30 ноября 2016 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3157065>

Россия

Россия, будучи сторонником реализации минского процесса, взяла курс на реинтеграцию территорий ДНР и ЛНР в состав Украины на условиях автономии. Это выглядит вполне оправданным в условиях, когда вероятность того, что движение в пользу сецессии охватит другие регионы страны, минимальна, а украинское общество, несмотря на критику властей, придерживается в целом патриотических позиций и ориентируется на Запад³⁶. В начале конфликта Москва слишком оптимистично оценивала перспективы пророссийского движения на Украине, не учитывая тот факт, что в реальности ДНР и ЛНР контролируют крайне незначительную часть ее территории.

Давление со стороны Запада пока не вынудило Москву пойти на уступки на невыгодных для нее условиях. Разумеется, влияние санкций довольно ощутимо, как и воздействие общей негативной экономической конъюнктуры. Кроме того, внутренние проблемы – слабая эффективность и неспособность экономической модели обеспечить рост и следовать в русле инновационного развития, отсутствие серьезных успехов в области импортозамещения – также оказывают влияние на ситуацию в российской экономике. Однако степень консолидации широких слоев общества и элит вокруг курса президента В. Путина³⁷, в первую очередь внешнеполитического, остается довольно высокой.

В этих условиях основные цели России заключаются в следующем: во-первых, добиться снятия санкций и реинтеграции территорий ДНР и ЛНР в состав Украины на условиях как можно более широкой автономии; во-вторых, получить максимальное влияние через отдельные районы Донецкой и Луганской областей на украинскую внутреннюю политику; в-третьих, не допустить глубокой интеграции Украины в НАТО и ЕС.

За последнее время России удалось добиться определенных успехов. Политика изоляции, несмотря на санкции, показала лишь относительную эффективность. ЕС и США сотрудничают с Москвой по отдельным важным направлениям, хотя о стратегическом партнерстве речь в обозримой перспективе не идет. Кроме того, Москва продемонстрировала, что готова идти на ограниченные уступки, не держится за государственность ДНР и ЛНР, но настаивает на выполнении политической части «Минска-2». Кроме того, она готова к расширению миссии ОБСЕ в зоне разграничения и в будущем, вероятно, согласится на смену руководителей самопровозглашенных республик. Вместе с тем следует отметить, что эти уступки носят сугубо тактический характер. Фигуры руководителей ДНР и ЛНР значимые, но не стратегические, а миссия ОБСЕ в разделительной зоне может обеспечить технический контроль над перемирием, но не проведение прозрачных выборов, приемлемых для всех сторон.

В нынешних экономических и политических условиях долгосрочный замороженный конфликт России в принципе невыгоден. Однако уже сегодня значительная часть обеспечения ЛНР и ДНР лежит на Москве, что для нее

³⁶ Спасибо, не надо: большинство украинцев высказались против особого статуса Донбасса – опрос // Обозреватель, 28 апреля 2016 г. URL: <http://www.obozrevatel.com/society/07691-spasibo-ne-nado-bolshinstvo-ukraintsev-vyiskazalis-protiv-osobogo-statusa-donbassa-opros.htm>

³⁷ Мураев: Донбасс – это наше общее дело. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pgY0AsbO4lw>

не является очень тяжелым бременем. Разумеется, сохранение региона под своим патронатом в течение долгого времени потребует заметно более серьезных вложений, чем, например, патронат над Приднестровьем. Тем не менее этот вариант в случае провала реинтеграции фактически безальтернативен.

Что касается ситуации в ДНР и ЛНР, то России, несмотря на объективную сложность положения, удалось обеспечить определенную степень управляемости этих территорий. Однако она весьма далека от того, чтобы говорить о самопровозглашенных республиках как о состоявшихся де-факто государствах.

В ближайшее время Россия будет пытаться усилить свое влияние на политическую систему Украины.

Пока же Москва стремится (и в целом не без успеха) показать неспособность Киева выполнить свои обязательства по проведению выборов и внесению изменений в конституцию, а также содействовать активизации в Европе сил, противостоящих политике антироссийских санкций. Кроме того, она демонстрирует приверженность «Минску-2», рассматривая его прежде всего как возможность легитимации видоизмененной субъектности ДНР и ЛНР уже в рамках украинского государства. Ранее Россия зачастую недооценивала внутриукраинский фактор. Теперь она, вероятно, постарается усилить свое влияние на политическую систему Украины, принимая во внимание два обстоятельства. Первое – рост популярности «Оппозиционного блока» в условиях социального и экономического кризиса, второе – наличие политических сил и лидеров, выступающих за прагматизацию и постепенное восстановление отношений с Россией. Следует также учитывать, что после избрания Д. Трампа президентом США у Москвы и Вашингтона появились возможности для активизации диалога.

ЕС и США

В Европейском союзе, особенно если говорить о странах – участницах нормандского формата и ряде государств Южной Европы, просматривается желание выйти на мирное урегулирование, пусть рамочное и ограниченное, и получить возможность для ослабления антироссийских санкций. Москву явно стремятся не вытолкнуть за переговорное поле, понимая, что излишнее давление чревато резкой реакцией с ее стороны. И «план Мореля», и «формула Штайнмайера» – это, безусловно, попытки выхода из сложившейся ситуации даже ценой уступок со стороны Украины. Однако, несмотря на активные переговоры в нормандском формате и в рамках контактной группы, европейцам пока не удалось предложить план, который был бы согласован со всеми сторонами и более или менее их устраивал.

В Европе все больше присутствует фактор усталости от Украины. Давление, оказываемое на киевские власти с целью принудить их к выполнению политической части «Минска-2», вызвано также интроверсией политического истеблишмента по отношению к Украине и необходимостью акцентировать внимание на целом ряде вопросов (массовый наплыв беженцев в Европу, рост популярности евроскептиков, будущее Британии в ЕС, выборы в Герма-

нии и Франции 2017 г. и пр.). Хотя ни о каком стратегическом партнерстве и даже системном сотрудничестве в ближайшее время речь не идет, бизнес-круги в ЕС, в частности в Германии и особенно в Италии, стремятся оказать давление на свои правительства с тем, чтобы вернуться к принципу ведения дел с Россией «business as usual».

Кроме того, что Европа уже устала от кризиса на Украине, перед ней стоит ряд острых внутренних проблем, требующих незамедлительного решения.

В последнее время европейские политические лидеры, дипломаты самого высокого уровня (вплоть до министров Ф.–В. Штайнмайера и Ж.–М. Эро) неоднократно давали понять, что подход Европы к украинскому кризису все больше дрейфует в сторону российского понимания порядка решения вопросов, связанных с выполнением минских соглашений: сначала – автономия, затем – граница. Европа все активнее оказывала давление на Киев с точки зрения необходимости принятия закона о выборах в Донбассе. Росли усталость от украинского вопроса в самой Европе и критика украинских властей за неэффективное реформирование государственной системы и экономики, отсутствие борьбы с коррупцией. Киев же на фоне обострения в Сирии пытался продемонстрировать США свою значимость. Вопрос для украинского руководства действительно стоит остро. Самым кошмарным сном украинских властей и части экспертного сообщества стала бы договоренность Москвы и Вашингтона по Сирии «за счет» Украины. Конечно, такая договоренность, в случае ее достижения, могла бы содействовать превращению Украины в нейтральное государство. Хотя большая часть населения считает Россию враждебной страной, значительная часть украинцев начинает разочаровываться в евроинтеграции. Ведь для них она не проявилась ни в чем конкретном, за исключением евроассоциации, имеющей не только позитивные, но и отрицательные элементы. Например, Украине до сих пор не предоставлен безвизовый режим, который Европа в какой-то мере использует как возможность политического давления на Киев.

Что касается Соединенных Штатов, то Вашингтон не скрывает своего влияния на принятие Евросоюзом решения о введении санкций против России. Несомненно, американцы используют возможность вбить клин в перспективы политико-экономического сближения Кремля со странами Евросоюза и убедить некоторые западноевропейские государства в необходимости пересмотра своих взглядов на архитектуру международной безопасности³⁸. Тем не менее США не могут игнорировать позицию Брюсселя, тем более что новая республиканская администрация намерена пересмотреть свои отношения с ЕС и отдельными европейскими странами. В частности, предполагается, с одной стороны, предоставить им большую самостоятельность в сфере внешней политики, а с другой – способствовать их большому вкладу в общую оборону, в том числе в расходы на поддержание НАТО.

Сегодня американцы не воспринимают украинский вопрос как первоочередной, но, имея в виду важность стратегического сдерживания России, они

³⁸ Погребинский: предложение Путина о вооруженной миссии ОБСЕ – это шаг вперед // РИА Новости Украина, 14 апреля 2016 г. URL: <http://rian.com.ua/politics/20160414/1008421722.html>

будут продолжать по-своему конструировать безопасность Европы. И в этом плане ЕС может только корректировать и оказывать влияние на линию США, но не менять ее. Начало активной переброски дополнительного воинского контингента в Европу показывает, что Соединенные Штаты продолжают уделять пристальное внимание этому региону. В вопросах стратегического баланса сил и обеспечения присутствия американских войск в Европе новая администрация будет проводить не менее жесткую линию, чем прежняя, даже принимая во внимание тот факт, что значение Украины для США в целом, вероятно, снизится. Возможности заключения соглашения между Вашингтоном и Москвой пока крайне невелики. Если временная разрядка и будет достигнута, то на длительной дистанции наиболее вероятным останется конфронтационный сценарий, и стороны вряд ли откажутся от возможностей игры на украинском направлении.

Сценарии развития ситуации

Прежде всего, важно отметить, что построение строго очерченных сценариев сегодня вряд ли возможно. По сути, все они диффузны, и вероятность использования в реальности той или иной составляющей из разных сценариев очень велика. Именно поэтому при построении сценариев часто присутствует ощущение их искусственности и модельности. Тем не менее можно говорить о возможных тенденциях развития ситуации, которые сами по себе могут быть довольно подвижными, видоизменяться и пересекаться, дополняя друг друга.

Первая возможная тенденция – сохранение курса на имплементацию минских соглашений. На сегодня преобладание этой тенденции представляет собой, вероятно, самый позитивный вариант, если говорить об урегулировании конфликта. В этом случае ключевым останется вопрос о проведении выборов. Очевидно, что даже если Украина под давлением Запада примет закон о выборах, на следующей стадии начнется сложная процедура согласования их проведения, и это потребует определенных компромиссов со стороны ДНР, ЛНР и, следовательно, Москвы.

Проблема реализации такого варианта заключается в том, что он потребует довольно много времени, а также длительного и сложного согласования всех параметров. Например, если речь пойдет о миротворческой вооруженной миссии, то стороны столкнутся с разным восприятием того, какой она должна быть. Сложности возникнут и с такими параметрами, как информационное поле Украины на территориях нынешних ДНР и ЛНР, участие украинских партий в выборах и т.д.

Вторая возможная тенденция – переход конфликта в замороженную стадию. В случае, если договоренности по выборам не будут достигнуты, конфликт начнет все больше превращаться в замороженный. При отсутствии политического решения этому не помешает даже введение в зону разделения сторон вооруженной миссии ОБСЕ. В этих условиях де-факто ДНР и ЛНР, не обладающие возможностями сформировать реальную государственность, будут все сильнее дрейфовать в сторону России. Антироссийские санкции могут быть постепенно ослаблены, особенно со стороны ЕС, который признает факт невыполнения минских соглашений обеими сторонами. При этом Украина

останется в сфере интересов ЕС и Запада в целом, а отношения Москвы и Киева начнут медленно выходить из точки провала, в которой они сейчас находятся, при одновременном сохранении замороженной ситуации на Юго-Востоке. Вопрос о Крыме и в этом случае будет рассматриваться отдельно и периодически то выходить на повестку дня, когда это будет выгодно Западу, то уходить в тень. Данный вариант более или менее приемлем для Москвы только в том случае, если он будет обусловлен значительной по объему или полной отменой санкций.

Заморозка конфликта может привести к ослаблению санкций в отношении России. При этом Европа будет периодически использовать крымский вопрос для давления на Россию.

Третья возможная тенденция – эскалация, при которой стороны не смогут найти компромисс даже на уровне перевода конфликта в фазу «глубокой заморозки». Хотя на сегодня этот вариант остается наименее вероятным, исключать его нельзя, учитывая подвижность международной обстановки в целом и наличие с обеих сторон сил, способных организовать провокации на линии разграничения. В случае реализации данного варианта развития событий стороны будут стремиться убедить Запад в нарушении мира противником, но им вряд ли удастся добиться серьезного и быстрого решения конфликта военным путем. Именно отсутствие решительного военного перевеса у той или другой стороны сегодня не дает возможности быстро реализовать силовой сценарий (для Украины – сценарий Сербской Краины).

Таким образом, любая эскалация, скорее всего, закончится позиционными столкновениями и вновь приведет к возобновлению в том или ином формате сложного мирного процесса с одновременным постепенным замораживанием конфликта. Такое развитие событий чревато новым осложнением отношений России и Запада, ужесточением санкций и более явными попытками последнего оказать влияние на российский внутриполитический процесс.

При реализации любой из вышеперечисленных тенденций следует принимать во внимание два важнейших фактора, которые окажут влияние на будущие события. Первый фактор – начало деятельности новой американской администрации, о шагах которой судить пока рано, и выборы в Европе, второй – внутриполитическая ситуация на Украине. В перспективе социально-экономические сложности и нестабильность могут привести к парламентским выборам и возможному изменению характера правящей коалиции. Это позволит начать процесс если не нормализации отношений с Россией, то по крайней мере мягкой трансформации в сторону договороспособности. В то же время любые шаги в направлении выполнения политической части минских соглашений могут вызвать протест не только радикалов, но и значительной части украинского общества. Но даже при реализации сценария такой мягкой трансформации власти смогут проводить ее очень медленно. В случае сохранения нынешней коалиции президенту П. Порошенко, даже при условии заключения договоренностей на внешнем контуре, придется сильно надавить на депутатов, особенно от Народного фронта, чтобы обеспечить нужное голосование в Раде по выборам в Донбассе, и столкнуться с серьезной оппозицией в обществе.

Приднестровье – внутривитическая разбалансировка и украинский фактор

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) – это пример непризнанного государства, которое, не получив формального признания ни от одного из государств, смогло обеспечить эффективное функционирование государственных органов, развитие экономики и социальной сферы. По итогам прошедших двадцати пяти лет это дает возможность охарактеризовать ПМР как состоявшееся де-факто государство. Тем не менее развитие республики во многом зависело от внешних факторов, прежде всего от удаленности от России, особенностей экономического и политического взаимодействия с ней и от характера процесса мирного урегулирования.

ПМР и приднестровский конфликт обладают целым рядом особенностей. В конфликте между непризнанной ПМР и Республикой Молдова не было ярко выраженного этнического фактора. Стороны конфликта сохранили достаточно высокий уровень двусторонних контактов по сравнению с любым другим форматом отношений между де-факто образованием и «материнским» государством.

Традиционно Россия была вовлечена в переговорный процесс по урегулированию конфликта и одновременно рассматривала пророссийски настроенное Приднестровье как форпост своих интересов. ПМР виделась Москве и как инструмент сдерживания интеграции Молдовы в НАТО, сохранения нейтралитета Кишинева.

Как следствие, Россия отказалась от повторения абхазско-югоосетинского сценария и признания Приднестровья и тем более от крымского варианта в отношении ПМР. В новых условиях Москва предполагает сохранять пространство для маневра, ставя свои возможные действия в зависимость от вероятных шагов партнеров по формату «5+2». Позиция официального Киева в процессе мирного урегулирования не раз претерпевала значительные изменения. Однако в настоящее время ПМР однозначно воспринимается Украиной как пророссийский враждебный анклав. Что касается Молдовы, то среди политической элиты этой страны, несмотря на партийные различия, есть определенный консенсус по отношению к Приднестровью. Он сохраняется, несмотря на резкое обострение внутривитической ситуации и противоречия между различными сегментами молдавского истеблишмента. Даже такие политические силы, как Партия социалистов, выступают максимум за федерализацию Молдовы. Разумеется, победа на президентских выборах кандидата от Партии социалистов И. Додона может несколько изменить подходы государства. Несмотря на то, что Молдова представляет собой парламентскую республику, а в парламенте существует условно прозападная коалиция, контролируемая теньвым политическим лидером олигархом В. Плахотнюком, позиция президента по выстраиванию более сбалансированного курса в отношениях с Москвой все же может повлиять и на ход мирного процесса. И. Додон неоднократно говорил о федерализации Молдовы³⁹, хотя понятно, что простая федерация вряд ли может устроить

³⁹ Могерини: главы МИД ЕС приняли пять принципов взаимоотношений с Россией // Вести.Ru, 15 марта 2016 г. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2730993>

приднестровцев. «План Козака», отвергнутый европейцами и Молдовой, по сути, был вариантом очень широкой федерации со значительными элементами конфедерации. Очевидно, что Кишинев даже при И. Додоне вряд ли на это пойдет, по крайней мере без давления со стороны Запада.

Для США и ЕС приднестровский сюжет имеет второстепенное значение. Они поддерживают курс на реинтеграцию Молдовы и обеспечение ее территориальной целостности. Ни Вашингтон, ни Брюссель не выступают за кардинальный отказ от формата «5+2» и явно делают ставку на то, что кризис сам по себе, прежде всего экономический, заставит Тирасполь искать договоренности с Брюсселем и Кишиневом. Показатели товарооборота между ПМР и Россией на сегодня действительно заметно ниже, чем с ЕС, и изменения такого положения пока не предвидится. В последнее время актуализация приднестровской проблемы действительно сопровождается сложными внутриаполитическими процессами в ПМР⁴⁰.

Избрание нового президента Молдовы сможет повлиять на дальнейшее сближение с Россией.

Серьезный риск для ПМР заключается не только в сложном экономическом положении, но и в состоянии элит, учитывая конфликт между группой «Шериф», крупнейшим в Приднестровье холдингом частных компаний, и администрацией президента республики Е. Шевчука. По итогам парламентской кампании в ноябре 2015 г. большинство в высшем законодательном органе власти получили оппоненты действующего президента. Президентская кампания 2016 г. (выборы намечены на 11 декабря) отмечается жестким противостоянием кандидата В. Красносельского, которого поддерживает фирма «Шериф», и Е. Шевчука. И хотя внешнеполитическая тематика не является главной в этой кампании (все кандидаты позиционируют себя как пророссийские), у тех, кто жестко отстаивает свою государственность, возникают опасения, что полный контроль «фирмы» над политикой может привести к более «договороспособной» позиции на международной арене.

Можно много говорить о том, что выборы в ПМР не имеют внешнеполитического аспекта, что все приднестровское общество ориентировано на Россию, – в значительной степени это будет правильно. Однако в условиях победы в Молдове И. Додона с его программами федерализации, а также в связи с глубокими экономическими связями двух берегов и сохраняющейся зависимостью экономики ПМР от правого берега и Европы ситуация не представляется такой уж застывшей и монолитной. Конечно, можно говорить о том, что экономизм, сведение объяснения любой социальной, политической и культурной действительности к экономическому базису вряд ли оправданно. Но и уповать только на ментальность, идеологию было бы неверно, хотя, естественно, судьба возможной реинтеграции будет зависеть не только и не столько от позиции Тирасполя. Она во многом обусловлена вероятностью консенсуса, пусть и относительного, между Россией и Западом. Однако в любом случае это дело явно не сегодняшнего дня.

⁴⁰ Гушин А. Украинский кризис – на пути к новой эскалации? // Евразия Эксперт, 20 октября 2016 г.
URL: http://www.eurasia.expert/ukrainskiy-krizis-na-puti-k-novoy-eskalatsii/?sphrase_id=904

В последние два года наблюдается существенное замедление самого переговорного процесса. С началом украинского кризиса формат «5+2» практически перестал функционировать. После переговоров в таком формате, прошедших в июне 2014 г. в Вене, наступила двухлетняя пауза. Только в июне 2016 г. в Берлине состоялся новый раунд переговоров. В подписанном по его итогам совместном протоколе было зафиксировано, в частности, желание сторон сохранить данный формат. Тем не менее ситуация выглядит в большей степени замороженной, и ни о каком смысловом прорыве по результатам июньской встречи говорить нельзя.

Сегодня ни Россия, ни Запад не пытаются резко изменить сложившийся баланс. В перспективе наиболее вероятным представляется сохранение «подвешенного статуса» ПМР. Дополнительные сложности для реализации этой модели могут возникнуть из-за неопределенности внешнеполитического курса Молдовы и возможной эскалации конфликта на Украине. Чего стоят одни только заявления министра обороны Молдовы А. Шалару и его украинского коллеги С. Полторака о предоставлении коридора для вывода российских военных из ПМР, которые были сделаны сепаратно, что вызвало естественное удивление и недоумение в Тирасполе и в Москве.

Позиция России и Запада по вопросу Приднестровья сходится на том, что оно по-прежнему будет находиться в «замороженном состоянии».

Но есть и обнадеживающие моменты. Россия и Молдова договорились о восстановлении торговых отношений. Из согласованного плана действий следует, что Москва больше не возражает против одновременного участия Кишинева в режимах свободной торговли с ЕС и СНГ. Отдельно в плане прописаны условия снятия российского эмбарго с поставок молдавских вин. Следует отметить, что на заседании межправительственной комиссии присутствовали первый заместитель председателя правительства ПМР *Алевтина Слинченко* и глава МИД непризнанной республики *Виталий Игнатьев*. Хотя у чиновников был ни к чему не обязывающий статус наблюдателей, сам факт их присутствия на двусторонних российско-молдавских переговорах означает, что Россия рассматривает Приднестровье в контексте Молдовы, а не отдельно от нее⁴¹.

Именно общая региональная динамика будет во многом определять отношения России и Запада по приднестровскому урегулированию. Москва заинтересована в активном участии в этом процессе, поскольку оно обеспечивает ей влияние в регионе и косвенно имеет значение в контексте отношений с Западом. Крайне важно сохранить формат «5+2» и сам переговорный процесс, даже если его результаты в ближайшей перспективе будут не столь очевидными, продолжить обсуждение сценариев, связанных с возможным урегулированием на основе компромисса, с учетом мнения Тирасполя.

⁴¹ Соловьев В., Коростиков М. Вишенка на торге: РФ согласилась с одновременным участием Молдавии в режимах свободной торговли ЕС и СНГ // Коммерсант, 30 ноября 2016 г.
URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3156892>

3. Кавказ – регион повышенного риска

Сергей
Маркедонов

Регион повышенного риска

За четверть века, прошедшие после распада Советского Союза, Кавказский регион, долгое время считавшийся периферией мировой политики⁴², оказался в фокусе внимания не только соседей по региону, но и влиятельных участников международных процессов. Бывшие республики советского Закавказья в одночасье стали субъектами международного права, обозначив собственные национальные интересы и внешнеполитические приоритеты. Образование независимых государств сопровождалось острыми территориальными конфликтами, поиском новых механизмов обеспечения региональной безопасности и форматов международного сотрудничества.

Кавказский регион остается одним из самых нестабильных на пространстве бывшего Советского Союза. В Закавказье и на российском Северном Кавказе за 25 лет произошли шесть вооруженных конфликтов. Это армяно-азербайджанский конфликт из-за проблемы статуса Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии, осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты (последние два — на территории Российской Федерации). Большинство из них нельзя считать полностью урегулированными. Более того, существует различная интерпретация того, что принято считать разрешением этнополитического противостояния. Если для России признание независимости двух бывших автономий Грузинской ССР (Абхазии и Южной Осетии) — это выход из конфликтов, то Грузия воспринимает такое положение дел как российскую оккупацию⁴³. Для Армении разрешение конфликта вокруг Нагорного Карабаха — это реализация права нагорно-карабахской армянской общины на самоопределение⁴⁴, в то время как Азербайджан в качестве единственного приемлемого выхода видит «деоккупацию» и достижение территориальной целостности страны⁴⁵.

В Закавказье и на российском Северном Кавказе за 25 лет произошли шесть вооруженных конфликтов.

Половина существующих де-факто государств постсоветского пространства также находится в этом регионе (Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская республика). Именно на Кавказе был создан прецедент признания бывших автономий в составе союзных республик в качестве независимых

⁴² По справедливому замечанию американского историка, профессора Джорджтаунского университета Чарльза Кинга, Кавказ пережил период «относительного спокойствия и изоляции», а западные дипломаты, которые посещали этот регион в период «железного занавеса», оставляли отчеты, напоминавшие по своему стилю «впечатления путешественников XVIII столетия». См.: King Ch. The ghost of freedom. A history of the Caucasus. Oxford: Oxford univ. press, 2008. P. 199.

⁴³ Закон Грузии об оккупированных территориях (на русском языке).
URL: http://www.rrc.ge/law/kannGeo_2008_23_10_R.htm?lawid=1731&lng_3=ru

⁴⁴ Why the Nagorno-Karabakh Conflict Is Still Not Resolved // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. URL: http://www.mfa.am/u_files/file/Article_nkr_eng.pdf

⁴⁵ Aggression of Armenia against Azerbaijan // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/632>

государств (август 2008 г.)⁴⁶. И хотя сейчас процесс их международной легитимации фактически заморожен, две республики играют особую роль в региональных политических процессах. Свидетельством этого стало участие абхазских и югоосетинских представителей в Женевских дискуссиях по безопасности, созданных в 2008 г. для реализации договоренностей между президентами России и Франции, завершивших «пятидневную войну» между Грузией и Россией⁴⁷.

Из всех регионов бывшего Советского Союза только на Кавказе соседние государства не имеют дипломатических отношений: они отсутствуют между Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией. Нет дипломатических отношений и у Армении с Турцией. Две границы Армении (турецкая и азербайджанская) закрыты. При этом реализация регионального железнодорожного проекта Баку–Тбилиси–Карс (он свяжет Азербайджан, Грузию и Турцию)⁴⁸ еще более усилит изоляцию этой страны. В то же самое время Нахичевань остается для Баку анклавом, коммуникации с которым возможны либо воздушным путем, либо через иранскую и турецкую территории.

На старые неразрешенные конфликты накладываются новые риски. Среди них наиболее серьезными представляются:

- эскалация насилия в зоне нагорно–карабахского конфликта и на армяно–азербайджанской международно признанной границе за пределами «линии соприкосновения» (в апреле 2016 г. было зафиксировано самое крупное военное столкновение сторон с момента вступления в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня 12 мая 1994 г.)⁴⁹;
- усиление евроатлантических устремлений Грузии;
- укрепление связей России с Абхазией и Южной Осетией и попытки южноосетинских властей реализовать проект по вхождению в состав Российской Федерации;
- противоречия между Россией и Западом по проблемам статуса Абхазии и Южной Осетии,
- вовлечение выходцев из Кавказского региона в транснациональные террористические сети (прежде всего, в ряды «Исламского государства», запрещенного в России) и экспорт радикальных исламистских и джихадистских настроений из Ближнего Востока в Закавказье и на Северный Кавказ;
- внутренние политические проблемы и социально–экономические процессы в закавказских государствах (как имеющих членство в ООН, так и в де–факто образованиях).

⁴⁶ Медведев подписал указы о признании Южной Осетии и Абхазии // РИА Новости, 26 августа 2008 г. URL: <https://www.ria.ru/politics/20080826/150689025.html>

⁴⁷ Press releases related to the Geneva International Discussions // OSCE. URL: <http://www.osce.org/home/104211>

⁴⁸ 10 Things to Know About Baku-Tbilisi-Kars Railway Project // Rail Turkey, 20 October 2014. URL: <https://railturkey.org/2014/10/20/baku-tbilisi-kars-railway/>; Баку–Тбилиси–Карс: стоит ли овчинка выделки? // openDemocracy, 2 ноября 2015 г. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/yana-israelyan/btk-stoit-li-ovchinka-vydelki>

⁴⁹ См. текст Соглашения: Казимиров В. Прорыв к перемирию в Карабахе // Личный сайт Владимира Казимирова. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/x014.htm>

В то же время в отличие от многих других конфликтов многие годы России и Западу удавалось успешно сотрудничать друг с другом в процессе нагорно-карабахского урегулирования. США, РФ и Франция (как неформальный представитель ЕС) — сопредседатели Минской Группы ОБСЕ, занимающейся посредничеством между Ереваном и Баку. Все три сопредседателя придерживаются единой позиции относительно основы для выработки мирного решения, выраженной в «базовых принципах»⁵⁰. Действия трех стран позволили сохранить переговорный процесс после военной эскалации в апреле 2016 г.⁵¹

В отличие от многих других конфликтов многие годы России и Западу удавалось успешно сотрудничать друг с другом в процессе нагорно-карабахского урегулирования.

Таким образом, разрешение кавказских этнополитических конфликтов представляется значимым в силу трех факторов. Во-первых, урегулирование статусных и пограничных споров позволит значительно укрепить региональную предсказуемость, безопасность и стабильность. Во-вторых, позитивная динамика в Закавказье будет способствовать сближению позиций трех евразийских «гигантов»: России, Турции и Ирана. В-третьих, она приведет к снижению градуса противостояния России и Запада (как минимум на одном из направлений).

Конфликты в Закавказье: позиции ключевых игроков

Россия

После распада СССР Россия играла и продолжает играть значительную роль в кавказских геополитических процессах. Москва воспринимает регион как особо важную территорию для своих стратегических интересов, в первую очередь потому, что сама Россия — это кавказское государство. На российском Северном Кавказе находятся девять российских регионов — семь республик и два края. Большая часть конфликтов на территории этой части страны как открытых, так и латентных, тесно связана с противостояниями в бывших республиках советского Закавказья, и наоборот⁵².

В первые постсоветские годы Россия сыграла решающую роль в вооруженного конфликта в Южной Осетии (1992 г.), Абхазии (1993–1994 гг.), Нагорном Карабахе (1994 г.), прекращении гражданской войны в Грузии (1993 г.) и обеспечении миротворческих операций на территории Грузии. Именно Россия сформировала политико-правовые форматы мирного процесса в «горячих

⁵⁰ См. текст «Базовых принципов»: Посредники обнародовали базовые принципы урегулирования карабахского конфликта // ИА Regnum, 11 июля 2009 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1185133.html>

⁵¹ Встреча Сержа Саргсяна с Ильхамом Алиевым началась в Вене // РИА Новости, 16 мая 2016 г. URL: <https://www.ria.ru/world/20160516/1434528960.html>

⁵² Грузино-осетинский конфликт оказывал серьезнейшее воздействие на динамику осетино-ингушского конфликта, а грузино-абхазский — на этнополитические процессы в западной части российского Кавказа (Республики Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия). Безопасность в Дагестане и Чечне связана с положением дел в Панкисском ущелье Грузии, а проблема «разделенных народов» (лезгины, аварцы), чьи этнические ареалы разделены между Азербайджаном и Россией, влияет не только на региональную повестку, но и на взаимоотношения между Москвой и Баку.

точках» (Дагомысские соглашения по Южной Осетии 1992 г.⁵³ и Московские соглашения по Абхазии 1994 г.⁵⁴, Соглашение о бессрочном прекращении огня в зоне армяно–азербайджанского конфликта 1994 г.)⁵⁵. Роль Москвы в качестве главного медиатора в урегулировании закавказских противостояний была признана и Западом, и международными организациями.

Однако такая ситуация подталкивала к пересмотру невыгодного статус–кво те государства, которые пострадали от сецессий и утратили контроль над территориями, которые признавались на международном уровне, как их неотъемлемые части. Именно здесь стоит искать истоки интернационализации конфликтов Закавказья, начавшейся с поисков внешнеполитических альтернатив привилегированному положению Москвы.

Роль Москвы в качестве главного медиатора в урегулировании закавказских противостояний была признана и Западом, и международными организациями.

Однако если российско–грузинские расхождения по Абхазии и Южной Осетии со временем стали частью более широкого контекста противоречий между Россией и Западом, то нагорно–карабахское урегулирование осталось площадкой для сотрудничества России, США и ЕС. Попытки изменить сложившийся статус–кво привели к размораживанию конфликтов в Южной Осетии и Абхазии в 2004–2008 гг. и к формированию новой конфигурации, в которой установились две параллельные политико–правовые реальности: бывшие автономии Грузинской ССР признаются независимыми Россией, но в то же самое время для большей части мирового сообщества они являются неотъемлемой частью единой Грузии⁵⁶. При этом в Нагорном Карабахе, несмотря на рост числа вооруженных инцидентов, статус–кво в целом сохраняется.

У российского руководства нет общего подхода ни к этнополитическим противостояниям, ни к существующим де–факто государствам в Закавказье. Можно выделить две базовые позиции России. Первая – признание независимости Абхазии и Южной Осетии. Вторая – отказ от признания Нагорно–Карабахской республики (НКР) и балансирование между Арменией и Азербайджаном в урегулировании конфликта между ними.

У российского руководства нет общего подхода ни к этнополитическим противостояниям, ни к существующим де–факто государствам в Закавказье.

В Концепции российской внешней политики 2016 г. в число российских приоритетов входит «содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопас–

⁵³ Грузия. Проблемы и перспективы развития / Под ред. Е.М.Кожокина. М.: РИСИ, 2002. Т. 1-2.

⁵⁴ Грузино–абхазский конфликт: 1917–1992 / Сост. К.И. Казенин. М.: Европа, 2007.

⁵⁵ Документ № 10 // Личный сайт Владимира Казимирова. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc10.htm>

⁵⁶ U.S.-Russia Relations: "Reset" Fact Sheet // The White House, 24 June 2010. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/us-russia-relations-reset-fact-sheet>

ности и социально-экономическому восстановлению»⁵⁷. В ходе нормализации отношений с Тбилиси, стартовавшей в 2012–2013 гг., Москва ограничила этот процесс «красными линиями». Она не ведет переговоров о статусе Абхазии и Южной Осетии. В Концепции российской внешней политики Москва выражает заинтересованность «в нормализации отношений с Грузией в тех сферах, в которых к этому готова Грузинская Сторона, при учете политических реалий, сложившихся в Закавказье». То есть фактически того положения дел, которое сложилось в регионе после признания независимости двух бывших автономий Грузинской ССР⁵⁸. При этом в общении с западными партнерами Россия (формат Совета Россия – НАТО) последовательно призывает США и их союзников признать «новые реалии» в Закавказье.

Свои отношения с Абхазией и Южной Осетией Москва выстраивает на основе двусторонних договоров «О союзничестве и стратегическом партнерстве» (от 24 ноября 2014 г.) и «О союзничестве и интеграции» (от 18 марта 2015 г.) соответственно⁵⁹. И хотя оба документа зафиксировали растущее военно-политическое присутствие Москвы в двух частично признанных республиках, их нельзя назвать новой вехой. Они формально закрепили тот расклад, который обозначился в августе 2008 г., когда Москва из миротворца превратилась в гаранта безопасности, восстановления и социально-экономического развития Абхазии и Южной Осетии. Наряду с общими чертами два договора имеют свои особенности. В абхазском случае присутствовало стремление республиканской элиты сохранить определенные преференции (россияне не получили права на получение абхазского гражданства, а также доступа к земельным ресурсам и недвижимости; из названия документа было исключено слово «интеграция»). Южноосетинская же сторона, была, напротив, заинтересована в максимальной интеграции с Россией вплоть до вхождения в ее состав (по примеру Крыма). В 2014–2016 гг. в Южной Осетии интенсифицировалась дискуссия о проведении референдума об объединении с Россией. В конце мая 2016 г. южноосетинское руководство приняло решение о переносе всенародного волеизъявления на 2017 г. – оно состоится после проведения президентских выборов⁶⁰.

На нагорно-карабахском направлении Москва демонстрирует иной подход. Здесь она максимально заинтересована во взаимодействии с западными партнерами, а также в сохранении баланса между Ереваном и Баку (что особенно важно после утраты рычагов влияния на Грузию в 2008 г.).

⁵⁷ Цит. по: Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 1 декабря 2016 г.

URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве // Кавказский узел, 5 марта 2015 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/252910>;

Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции // Кавказский узел, 30 июня 2015 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/259096>

⁶⁰ У руководства Южной Осетии есть две основные версии референдума. В варианте президента Леонида Тибилова речь идет не о голосовании за прямое вхождение в состав РФ, а за изменение статьи 10 республиканской Конституции. Она дает право вступать в союзы с другими государствами; предлагается конкретизировать это положение на примере России. Второй проект, предложенный спикером национального парламента Анатолием Бибиловым, предлагает прямой вопрос об объединении республики с РФ. См. подробнее: Референдум в Южной Осетии. Как с ним поступят // Московский центр Карнеги, 2 июня 2016 г. URL: <http://www.carnegie.ru/commentary/2016/06/02/ru-63708j0iu>

В отличие от грузино–абхазского и грузино–осетинского конфликта обе стороны, вовлеченные в нагорно–карабахское противостояние, заинтересованы в российском посредничестве. Для Армении, участника интеграционных проектов с доминированием России (ОДКБ и ЕАЭС), медиация Москвы служит определенной гарантией невозобновления полномасштабных военных действий. Для Азербайджана сотрудничество с Россией позволяет обеспечить дистанцию от Запада, критически настроенного в отношении внутривнутриполитической ситуации в республике (нарушения прав человека, обвинение руководства республики в авторитаризме). Как следствие, отказ Москвы от признания НКР и односторонней поддержки Еревана, приверженность территориальной целостности Азербайджана и сохранению армяно–азербайджанского переговорного формата⁶¹.

Наряду с общими чертами два договора имеют свои особенности. В абхазском случае присутствовало стремление республиканской элиты сохранить определенные преференции. Южноосетинская же сторона, была, напротив, заинтересована в максимальной интеграции с Россией.

Следовательно, доминирующая мотивация Кремля в урегулировании конфликтов заключается не в некой идеологической программе или всеобъемлющей геополитической стратегии, а в реагировании на изменяющиеся обстоятельства (изменение статус–кво не в пользу России, проникновение в регион новых игроков, опасение утратить свое влияние). При этом Москва не инициирует изменения статуса–кво: она, скорее, отвечает на такие попытки (как в случае с Грузией в 2008 г.). Более того, «крымский прецедент» не стал основой для действий на закавказском направлении, которое имеет свою собственную ценность.

В отличие от грузино–абхазского и грузино–осетинского конфликта обе стороны, вовлеченные в нагорно–карабахское противостояние, заинтересованы в российском посредничестве.

США

В течение первой половины 1990–х гг. интересы США в Закавказье были минимальными. Вашингтон позитивно оценивал российские миротворческие операции в Абхазии и Южной Осетии, а также мирные инициативы по Нагорному Карабаху и даже до определенного момента не выступал против размещения российских военных баз на грузинской территории (Вазияни, Ахалкалаки)⁶².

Однако активное экономическое вовлечение крупных американских компаний (участие в так называемом «Контракте века», подписанном Азербайджаном

⁶¹ Именно в Москве 5 апреля 2016 г. начальники генеральных штабов Армении и Азербайджана достигли соглашения о прекращении огня после т.н. «четырёхдневной войны» в Нагорном Карабахе. См.: Уничтожение вертолета в Нагорном Карабахе не приведет к эскалации конфликта, считают эксперты в Баку // Кавказский узел, 13 ноября 2014 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/252305/>

⁶² Mark D.E. Eurasia letter: Russia and the New Transcaucasus // Foreign policy. Washington, D.C., 1996/1997. N 105. P. 141-159.

жаном и западным нефтяным консорциумом)⁶³ в региональные проекты, миротворческая активность в формате Минской группы ОБСЕ, а также растущий запрос новых национальных государств на внешнеполитическую диверсификацию и рассмотрение США как противовеса российскому доминированию, способствовали активизации американской политики. Свой вклад в усиление присутствия США внесли и военные операции этой страны в Афганистане, Ираке и на Ближнем Востоке в целом. В результате произошло изменение приоритетов Вашингтона, усиление влияния США на внутреннюю политику закавказских стран (в особенности Грузии) и нарастающие противоречия с Россией.

В настоящее время американские интересы в Закавказье представляют собой один из наиболее серьезных вызовов для позиций России в регионе. По словам эксперта вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Джеффри Манкоффа, приоритетами для США на этом направлении являются два «плюрализма»: энергетический (обеспечение энергетических поставок в Европу по маршрутам, альтернативным российским) и геополитический (поддержка пронатовских и проевропейских внешнеполитических устремлений национальных элит закавказских республик)⁶⁴.

Приоритетами для США на этом направлении являются два «плюрализма»: энергетический и геополитический.

После изменения статуса Абхазии, Южной Осетии и особенно Крыма Вашингтон особенно беспокоит проблема мультипликации этого опыта в других частях постсоветского пространства. «Если мы рассматриваем войну 2008 г. в качестве прелюдии к аннексии Крыма и к гораздо более разрушительному конфликту на Украине, мы будем вынуждены признать, что та война принесла большие геополитические издержки, чем официальные лица США определили в свое время. Издержки, недооцененные на протяжении многих лет», — констатирует профессор Университета Джорджа Вашингтона Кори Велт⁶⁵.

При этом отношение к этнополитическим конфликтам в турбулентном регионе воспринимается в США не как нечто, имеющее самостоятельную ценность, в более широких контекстах, прежде всего как сдерживание российских (и в меньшей степени турецких и иранских) амбиций и возможность для обеспечения «демократического выбора» (понимаемого, как поддержка курса Вашингтона и его союзников)⁶⁶.

⁶³ Американские нефтяные компании «Pennzoil», «Unocal», «McDermott International», «Exxon Mobil Corporation» стали членами консорциума // Официальный сайт президента Республики Азербайджан. URL: <http://www.en.president.az/pages/11/print>

⁶⁴ Джеффри Манкофф о кавказских приоритетах США // *Caucasus Times*, 10 февраля 2014 г. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21245>

⁶⁵ Welt C. The Costs to the United States of the August 2008 War // *Cost of Conflict: Core Dimensions of the Georgian-South Ossetian Context*. George Mason University. 2016. P. 71.

⁶⁶ В этом плане весьма показательны оценки «пятидневной войны» 2008 г. известного американского дипломата и эксперта Рональда Асмуса (1957-2011). По его словам, причины этих событий следовало искать «не в деталях локальных конфликтов между грузинами, с одной стороны, и абхазами и осетинами — с другой, и даже не в будущем статусе спорных территорий». Они заключены в стремлении «Грузии прорваться к свободе от того порядка, который можно определить как квазиколиониальные отношения с Москвой, и в ее желании стать частью демократического Запада». См. Asmus R. *A little war that shook the world. Georgia, Russia and the future of the West*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 215

В настоящее время США развивают стратегические отношения с Грузией (они установлены Хартией 2009 г.)⁶⁷ и всячески способствуют ее сотрудничеству с НАТО. Вашингтон последовательно поддерживает территориальную целостность этой страны⁶⁸. Что касается Армении и Азербайджана, то США, как и Россия, пытаются балансировать между интересами Еревана и Баку. С одной стороны, Вашингтон официально заявляет о поддержке азербайджанской территориальной целостности, а также энергетических проектов «Баку —Тбилиси —Джейхан», «Баку —Тбилиси —Эрзерум», Трансадриатического и Трансанатолийского трубопроводов, стратегически важных для Азербайджана. С другой стороны, не только Армения, но и непризнанная НКР по линии «Акта о поддержке свободы» были включены в гуманитарные проекты, получающие государственное финансирование. США также отказались от участия в строительстве железной дороги «Баку —Ахалкалаки —Тбилиси —Карс», чтобы не усиливать изоляцию Армении⁶⁹.

И если по Абхазии и Южной Осетии позиции США жестко противостоят российским подходам, то в процессе нагорно-карабахского урегулирования Москва и Вашингтон взаимодействуют, несмотря на жесткие разногласия во взглядах на события 2008 и 2014 гг. Так, США даже после «пятидневной войны» поддержали мирные инициативы России по Карабаху (Майендорфская декларация) и формат трехсторонних переговоров (президенты России, Армении и Азербайджана) помимо совместной работы в рамках имеющегося формата Минской группы ОБСЕ⁷⁰.

Европейский союз (ЕС)

В 1990–х гг. Европейский союз, сосредоточившись на разрешении этнополитических конфликтов на Балканах, не проявлял значительной активности

⁶⁷ United States-Georgia Charter on Strategic Partnership // U.S. Department of State, 9 January 2009.
URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/or/121029.htm>

⁶⁸ Даже в период «перезагрузки» отношений между РФ и США в специальном комментарии на сайте Белого дома особо подчеркивалось: «Мы продолжаем призывать Россию прекратить ее оккупацию грузинских территорий Абхазии и Южной Осетии». См.: U.S.-Russia Relations: "Reset" Fact Sheet // The White House, 24 June 2010.

URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/us-russia-relations-reset-fact-sheet>

29 июля 2011 г. Сенат США принял резолюцию в поддержку территориальной целостности Грузии, которая содержала требование к России прекратить оккупацию (ее авторами выступили сенатор-республиканец Линдси Грэм и сенатор-демократ Джин Шахин). См.: U.S. SENATE UNANIMOUSLY PASSES SHANHEEN-GRANAM RESOLUTION AFFIRMING U.S. SUPPORT FOR GEORGIAN SOVEREIGNTY // Jeanne Shaneen, 29 July 2011.

URL: <https://www.shaneen.senate.gov/news/press/release/?id=73BEE74C-31AD-4F39-B03B-F98889B70B33>
26 мая 2016 г., комментируя перспективы возможного референдума о вхождении Южной Осетии в состав РФ, представитель Госдепа США Марк Тонер заявил, что Вашингтон не поддержит никакие южноосетинские «требования суверенитета». См.: Daily Press Briefing // U.S. Department of State, 26 May 2016. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257764.htm>

⁶⁹ Начиная с 1998 г., USAID и другие американские агентства реализуют программы гуманитарной помощи для Нагорного Карабаха. При этом, согласно 907-й поправке к «Акту о поддержке свободы», Азербайджан не стал участником этих программ из-за того, что осуществляет «незаконную блокаду Армении». И хотя администрация Джорджа Буша-младшего пошла по пути ревизии данной поправки, она не была полностью отменена. Подробнее см.: Галстян А. Карабахские виражи во внешней политике США // Международная жизнь, 27 апреля 2016 г. URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/15177>

⁷⁰ Майендорфская Декларация 2 ноября 2008 года и ситуация вокруг Нагорного Карабаха. Сборник статей / Составители В.А. Захаров, А.Г. Аршев. М.: НП ИД «Русская панорама», 2009.

в Закавказье⁷¹. Однако расширение ЕС за счет стран Черноморского региона, а также переговоры о вступлении в Союз Турции, граничащей с тремя закавказскими государствами, изменило положение дел. Для Евросоюза Кавказ представляет интерес как стратегически важный рынок энергоносителей, а также выгодная транспортная магистраль (выход к ресурсам Каспия, Ирану, Центральной Азии). Однако эффективное включение региона в проекты, выгодные ЕС в целом и отдельным государствам Союза, невозможно без урегулирования этнополитических конфликтов⁷².

Для Евросоюза Кавказ представляет интерес как стратегически важный рынок энергоносителей, а также выгодная транспортная магистраль (выход к ресурсам Каспия, Ирану, Центральной Азии).

И хотя Евросоюз во многих регионах мира работает в тесной связке с США, его политика на кавказском направлении имеет определенные нюансы. Она ориентирована прежде всего не на геополитический формат, а на проецирование «мягкой силы». ЕС рассматривает собственный опыт преодоления конфликтов, строительства демократических институтов и рыночной экономики как модель для Армении, Азербайджана и Грузии. Успешные действия на этом направлении рассматриваются как значимая предпосылка для успешного мирного урегулирования этнополитических противостояний⁷³.

ЕС рассматривает собственный опыт преодоления конфликтов, строительства демократических институтов и рыночной экономики как модель для Армении, Азербайджана и Грузии.

Ключевые идеи и подходы Европейской политики соседства были сформулированы в докладе «Большая Европа — соседи: новая основа отношений с восточными и Южными соседями ЕС» в 2003 г.⁷⁴ Тогда же был введен пост Специального представителя ЕС на Южном Кавказе⁷⁵. Три закавказские страны подключились к данному проекту в 2004 г., а еще через два года они разработали «Планы действий» по интенсификации экономического сотрудничества с Брюсселем и поддержания процессов внутриполитических преобразований. В 2009 г. ЕС запустил проект «Восточное партнерство», в котором принимают участие Армения, Азербайджан и Грузия.

В настоящее время самого высокого уровня кооперации с ЕС добилась Грузия, подписавшая с Брюсселем Соглашение об ассоциации (июнь 2014 г.).

⁷¹ По словам французской исследовательницы Лор Делькур, «Кавказ тогда представлял terra incognita для европейских политиков». Только несколько стран — членов ЕС (Франция, Великобритания, Германия, Греция и Нидерланды) открыли в 1990-х гг. свои посольства во всех трех закавказских государствах. То же касалось и представительств делегации Европейской комиссии, которое появилось в Тбилиси, но было ответственно за все Закавказье. Подробнее см.: Delcour L. The European Union's Policy in the South Caucasus: in Search of a Strategy in Annie Jafalian (ed.) Reassessing Security in the South Caucasus. Regional conflicts and transformations". Ashgate, 2011, P. 179.

⁷² Юматов К.В. Эволюция политики Европейского Союза на Южном Кавказе // Вестник Томского государственного университета. 2012. Серия История. Вып. 1 (17). С. 126-130.

⁷³ Болгова И.В. Политика Европейского союза на Южном Кавказе // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М.: Русская панорама. 2008. С. 338-350.

⁷⁴ Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours // European Union, 11 March 2003. URL: http://www.eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf

⁷⁵ В настоящее время этот пост занимает Герберт Зальбер.

Армения (член Евразийского экономического союза) после почти трехлетнего перерыва возобновила в феврале 2016 г. переговоры о новых правовых основах отношений с Евросоюзом. Азербайджан, имея значительные противоречия с ЕС по вопросам демократии и развития гражданского общества, остается тем не менее важным энергетическим партнером Брюсселя⁷⁶.

Что касается роли Евросоюза в урегулировании закавказских конфликтов, то говорить о единой последовательной стратегии не представляется возможным. В нагорно-карабахском урегулировании участие ЕС ограничивается лишь вовлечением Франции в работу Минской группы ОБСЕ. При этом следует отметить, что в 2008 г. ЕС успешно сыграл роль посредника в прекращении российско-грузинского военного противостояния в Южной Осетии (тогда президент Франции, председательствовавшей в Евросоюзе, стал инициатором «Соглашений Медведева-Саркози»)⁷⁷.

Что касается роли Евросоюза в урегулировании закавказских конфликтов, то говорить о единой последовательной стратегии не представляется возможным.

В сентябре того же года Европейский союз начал осуществлять мониторинговую Миссию наблюдателей на границе Южной Осетии и Абхазии и на остальной неоспариваемой территории Грузии⁷⁸. После прекращения Миссии ОБСЕ в Грузии, а также Миссии наблюдателей ООН, мониторинговая миссия наблюдателей ЕС на сегодняшний день остается единственным форматом международного присутствия вдоль грузино-южноосетинской и грузино-абхазской линии⁷⁹. ЕС также выступает в качестве медиатора на Женевских консультациях по безопасности на Кавказе. В рамках консультаций ведется обсуждение двух треков – вопросов безопасности и гуманитарного сотрудничества между всеми участниками и вовлеченными сторонами грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта⁸⁰.

Несмотря на то, что Евросоюз проводит последовательную линию по признанию территориальной целостности и незыблемости границ всех постсоветских закавказских стран, именно Брюссель в отношении Сухуми и Цхинвали провозгласил курс «вовлечение без признания». Это означало развитие

⁷⁶ Подробнее об отношениях ЕС со странами Закавказья см: Homepage // European Union.
URL: http://www.eeas.europa.eu/index_en.htm

⁷⁷ См. текст Соглашения: Background: Six-point peace plan for the Georgia-Russia Conflict // ReliefWeb, 15 August 2008.
URL: <http://reliefweb.int/report/georgia/background-six-point-peace-plan-georgia-russia-conflict>

⁷⁸ О деятельности мониторинговой Миссии см.: European Union Monitoring Mission in Georgia.
URL: <https://www.eumm.eu>

⁷⁹ После признания Россией независимости Абхазии между РФ и другими постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Францией, Великобританией, КНР) возникли разногласия относительно перспектив работы МООН (Миссии ООН по наблюдению в Грузии) на территории Абхазии. 15 июня 2009 г. при голосовании Россия применила право вето, заблокировав тем самым принятие резолюции продления мандата миссии. МООНГ (а это почти 150 миротворцев) прекратила свою работу. Схожим образом была прекращена Миссия ОБСЕ в Грузии (ее вывод начался в январе 2009 г.). Члены организации не достигли консенсуса. Москва выступала за создание отдельной осетинской миссии в Южной Осетии, что не было поддержано другими участниками ОБСЕ. Подробно о работе МООНГ: United Nations Observer Mission in Georgia // URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/past/unomig/> Подробно о деятельности ОБСЕ в Грузии: Mission to Georgia brochure // OSCE, 25 February 2008. URL: <http://www.osce.org/georgia-closed/30881?download=true>

Press releases related to the Geneva International Discussions // OSCE.
URL: <http://www.osce.org/home/104211>

сотрудничества с Абхазией и Южной Осетией, но без формально-юридического их признания в качестве отдельных от Грузии государств⁸¹. Однако данный подход, провозглашенный уже после признания Россией независимости абхазской и югоосетинской республик и усиления российского военно-политического влияния в двух этих образованиях, так и не превратился в работающую эффективную модель⁸². Проблема ЕС состоит в отсутствии достаточных ресурсов в сфере безопасности, преимущественном использовании инструментов «мягкой силы» без четкого понимания механизмов их использования для разрешения конфликтов. В результате в своей политике на Кавказе Евросоюз остается зависимым от США и НАТО.

Мониторинговая миссия наблюдателей ЕС на сегодняшний день остается единственным форматом международного присутствия вдоль грузино-южноосетинской и грузино-абхазской линии.

Турция

После распада СССР Турция после длительного перерыва активизировала свою внешнюю политику на кавказском направлении⁸³. С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом Анкара стала вести более активную и самостоятельную политику в регионах, которые раньше были частью Османской империи. Именно Р. Эрдоган в 2008 г. после завершения «пятидневной войны» предложил «Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе»⁸⁴. Впрочем, эта инициатива не была реализована в силу разнонаправленных интересов как стран региона, так и внешних игроков.

Интерес Турции к Кавказу определяется несколькими факторами. Прежде всего она имеет прочные связи с тюркоязычным Азербайджаном.

Интерес Турции к Кавказу определяется несколькими факторами. Прежде всего она имеет прочные связи с тюркоязычным Азербайджаном. За последнюю четверть века две страны превратились в стратегических союзников. Турция последовательно поддерживает территориальную целостность Азербайджана и осуждает действия Армении в Нагорном Карабахе. Во время армяно-азербайджанской военной эскалации в апреле 2016 г. только Турция и Украина всецело поддержали только одну из конфликтующих сторон –

⁸¹ Питер Семнеби: Абхазию надо привлекать к сотрудничеству с ЕС без признания независимости // Кавказский узел, 14 июля 2010 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/171638>

Большим энтузиастом этого подхода был шведский дипломат Питер Семнеби, в 2006-2011 гг. специальный представитель ЕС на Южном Кавказе. Находясь в марте 2010 года с визитом в Сухуми, он заявил: «Наша политика не может состоять только из непризнания. Поскольку она не даст никаких результатов. И будет контрпродуктивной» См. Питер Семнеби: ЕС не признает Абхазию, но будет развивать отношения с ней // Кавказский узел, 12 марта 2010. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/166482>

⁸² Frear T. Abkhazia and the west: Rehabilitating engagement without recognition // European Leadership Network, 2 February 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/abkhazia-and-the-west-rehabilitating-engagement-without-recognition_2370.html

⁸³ Хас К. Турция и Азербайджан — не только энергетика // Российский совет по международным делам, 9 марта 2016 г. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7357#top-content

⁸⁴ Fotiou E. "Caucasus Stability and Cooperation Platform": What is at Stake for Regional Cooperation? // International Centre for Black Sea Studies. 2009. Policy Brief. #16

азербайджанскую⁸⁵. Турецкие военные принимают активное участие в подготовке и переподготовке азербайджанского офицерского корпуса. Турция, начиная с апреля 1993 г. и до настоящего времени блокирует сухопутную границу с Арменией (порядка 300 км).

Азербайджан и Турция вовлечены в различные энергетические проекты (Баку– Тбилиси– Джейхан и Баку– Тбилиси– Эрзерум, Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы) и инфраструктурные программы (железная дорога Баку —Ахалкалаки —Тбилиси —Карс). Помимо своей экономической ценности эти проекты нацелены на усиление региональной изоляции главного оппонента Азербайджана в регионе – Армении.

Общие интересы связывают Турцию и Грузию. Тбилиси стремится в НАТО (если не стать полноправным членом Альянса, чему мешают неразрешенные этнотерриториальные конфликты, то как минимум укрепить военно–политические связи с ним), в то время как Анкаре важно увязать свои региональные амбиции с поддержкой Североатлантического блока. При этом наличие абхазской диаспоры внутри этой страны, а также бизнес–контакты граждан Турции – выходцев из Абхазии со своей исторической Родиной делали политику Анкары более нюансированной. Турецкие власти не препятствовали организациям абхазской и северокавказской диаспоры развивать культурные и деловые контакты с Абхазией⁸⁶. Однако российско–турецкая конфронтация внесла свои коррективы, и Сухуми вслед за Москвой присоединился к санкциям против Анкары⁸⁷. Естественно, улучшение двусторонних российско–турецких отношений было позитивно воспринято абхазской стороной⁸⁸.

Значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Анкары оказывает фактор кавказских диаспор.

Значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Анкары оказывает фактор кавказских диаспор. По различным оценкам, порядка 10% населения современной Турции имеют связь с Северным Кавказом и Закавказьем. Многие представители этих групп населения ведут активную общественную и лоббистскую деятельность, представлены в армии, парламенте, медийных структурах и являются важным электоральным ресурсом⁸⁹.

⁸⁵ Turkey will support Azerbaijan to the end // Presidency of the Republic of Turkey, 2 April 2016.

URL: <http://www.tccb.gov.tr/en/news/542/41388/turkey-will-support-azerbaijan-to-the-end.html>;

Позиция Украины о поддержке суверенитета и территориальной целостности Азербайджана неизменна – телефонный разговор Президентов двух государств // Президент Украины Петр Порошенко, 5 апреля 2016 г.

URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/poziciya-ukrayini-shodo-pidtrimki-suverenitetu-ta-teritorial-36950>

⁸⁶ Турцию с частными визитами посещали первый и второй президенты Абхазии Владислав Ардзинба и Сергей Багапш.

⁸⁷ До января 2016 г. турецкие товары занимали порядка 25% общего объема абхазского рынка. Турецкие бизнесмены экспортировали абхазский уголь из Ткуарчала (Ткварчели), а абхазские фрахтовали турецкие суда. См. подробнее: Трапш Н.А., Российские санкции в абхазском измерении // *Caucasus Times*, 9 декабря 2015 г. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21460>

⁸⁸ Эксперты: потепление отношений России и Турции выгодно Абхазии // *Sputnik Абхазия*, 1 июля 2016 г. URL: <http://www.sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20160701/1018933022.html>

⁸⁹ Приблизительная численность выходцев из северокавказского оценивается в 3–5 млн человек, азербайджанцев – 3 млн, грузин – 2–3 млн. Подробнее см.: Aydin M. Changing Dynamics of Turkish Foreign and Security Policies in the Caucasus // *Reassessing Security in the South Caucasus Regional Conflicts and Transformation*. Ashgate Publishing Company. 2011. P. 117–120.

Турецкие действия на Кавказе воспринимаются в контексте не только внешнеполитических подходов Анкары, но и как солидарное участие в освоении региона Западом. США и их европейские союзники всячески поддерживают трехстороннюю кооперацию Турции, Азербайджана и Грузии⁹⁰.

Самым проблемным вопросом для внешней политики Турции на постсоветском пространстве стала Армения. За последние два с половиной десятилетия эти две страны не раз предпринимали попытки сломать негативный тренд, однако видимых успехов не достигли. После подписания в октябре 2009 г. двух протоколов о восстановлении дипломатических отношений и общей нормализации связей⁹¹ процесс примирения вошел в состояние стагнации, в котором пребывает и в настоящее время. По-прежнему не установлены дипломатические отношения, продолжается блокада сухопутной границы. Интерпретация трагических событий 1915 г. в Османской империи, официально принятая на государственном уровне, до сих пор жестко противопоставляет Армению и Турцию. Остроты отношениям добавляет и стратегическое взаимодействие Москвы и Еревана. Армения участвует в евразийских интеграционных проектах, а 102-я российская военная база в Гюмри дислоцируется именно на армяно-турецкой границе.

Иран

Долгие годы иранская проблема была одним из центральных вопросов мировой повестки дня. Между тем, несмотря на имеющиеся глобальные амбиции, Иран остается преимущественно региональной державой. И хотя внешнеполитические приоритеты Тегерана фокусируются на Ближнем Востоке, кавказское направление имеет для страны немаловажное значение⁹². В список ключевых приоритетов Исламской республики входит урегулирование конфликтов силами самих закавказских государств и их трех соседей (Турция, Россия, Иран), а также недопущение (как минимум минимизация) внешнего вмешательства, под которым понимается влияние США, Великобритании, Израиля. В этом вмешательстве Исламская республика видит угрозу интернационализации Закавказья и создания на его северных границах недружественной конфигурации⁹³.

И хотя внешнеполитические приоритеты Тегерана фокусируются на Ближнем Востоке, кавказское направление имеет для страны немаловажное значение.

⁹⁰ Hill F., Kirişçi K. and Moffatt A. Retracing the Caucasian Circle: Considerations and constraints for U.S., EU, and Turkish engagement in the South Caucasus // Brookings, 15 July 2015.
URL: <http://www.brookings.edu/research/reports/2015/07/south-caucasus-engagement>

⁹¹ См. тексты документов: Protocol on Establishment of Diplomatic Relations Between The Republic of Turkey and The Republic of Armenia // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs.
URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/zurih-protokolleri-en.pdf

⁹² Длина границы Ирана с Арменией и Азербайджаном составляет 660 км. Для сравнения: турецко-армянская граница (закрытая на сегодняшний день) составляет 325 км, турецко-грузинская – 267 км, а турецко-азербайджанская всего 18 км. Иран является единственным государством, граничащим не только с Арменией и Азербайджаном, но и с непризнанной Нагорно-Карабахской республикой, контролирующей 7 азербайджанских районов (5 полностью и 2 частично).

⁹³ Сейед Джавад Мири: Кавказ занимает очень важное место в сознании иранцев // Caucasus Times, 25 ноября 2010 г. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20539>

В мае 1992 г. в Тегеране президенты Ирана и Армении Али Акбар Хашеми Рафсанджани, Левон Тер-Петросян и исполняющий обязанности главы Азербайджана Якуб Мамедов подписали Совместное заявление по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, в котором декларировалась приверженность сторон дипломатическим и мирным формам разрешения противостояния⁹⁴. Однако дальнейшая эскалация военных действий (через два дня после встречи армянские силы взяли г. Шушу) фактически перечеркнула эту инициативу.

По окончании войны в мае 1994 г. по мере усиления роли России и Минской группы ОБСЕ политика Ирана стала менее активной и свелась к поддержке равновесных отношений с Арменией и Азербайджаном. При этом отношения Тегерана и Баку, несмотря на культурно-историческую и конфессиональную общность⁹⁵, периодически ухудшались в силу нескольких базовых причин. Первая – это активно развивающиеся отношения между Азербайджаном и Израилем (включая военно-технический компонент, т.к. Тель-Авив — один из поставщиков вооружения для Баку). Вторая – сотрудничество по линии Баку и Вашингтона, Баку и Анкары, провоцирующее опасения относительно «интернационализации» и милитаризации Каспия и проникновения в регион НАТО⁹⁶. Третья – опасения азербайджанского руководства по поводу идеологической экспансии Ирана, рассматриваемой в качестве угрозы светской государственности⁹⁷. Четвертая – проблема «Южного Азербайджана» («Иранского Азербайджана»)⁹⁸. Пик напряженности в ирано-азербайджанских отношениях пришелся на период двух президентских легислатур Махмуда Ахмадинежада (2005–2013 гг.), в то время как в президентские сроки Мохаммеда Хатами (1997–2005 гг.) и Хасана Рухани (был избран в 2013 г.) наблюдалась (и наблюдается сейчас) позитивная динамика.

Отношения Тегерана и Баку, несмотря на культурно-историческую и конфессиональную общность, периодически ухудшались

Однако какие бы колебания ни отличали отношения Ирана с Арменией и Азербайджаном, Тегеран последовательно выступал за мирное решение нагорно-карабахского конфликта силами его участников при поддержке стран-соседей. Исламская республика – единственная страна, не принимающая «базовые принципы» урегулирования (консенсус, достигнутый странами-сопредседателями Минской группы ОБСЕ). Для Ирана неприемлемо

⁹⁴ См. текст документа: Совместное заявление глав государств в Тегеране. Документ № 3 // Личный сайт Владимира Казимировича. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc3.htm>

⁹⁵ И в Иране, и в Азербайджане мусульмане-шииты составляют большинство.

⁹⁶ Cohen A. Azerbaijan: Between Iran and a Hard Place // The National Interest, 21 March 2012. URL: <http://www.nationalinterest.org/commentary/azerbaijan-between-iran-hard-place-6667>

⁹⁷ Юнусов А. Исламский фактор в Азербайджане. Баку. Адильголы. 2013. С. 35-110

⁹⁸ Сегодня на территории Ирана проживает по разным оценкам от 25 до 35 млн этнических азербайджанцев («азербайджанских тюрок»), что составляет почти треть населения всего Ирана. Азербайджанское население Ирана в три раза превышает численность населения самой Азербайджанской Республики. С момента обретения независимости в официальной идеологии и историографии Азербайджанской республики доминирует взгляд на Азербайджан как на единую историческую территорию, искусственно разделенную на две части. Подробнее см.: Юнусов А.. Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. Баку. Институт мира и демократии. 2007.

размещение международных миротворческих сил в зоне конфликта, что видится как шаг к интернационализации Закавказья⁹⁹.

Несмотря на активный прозападный курс Грузии, Тегеран пытается сохранить конструктивные отношения с этой страной.

Несмотря на активный прозападный курс Грузии, Тегеран пытается сохранить конструктивные отношения с этой страной. В феврале 2006 г., Иран оказал определенную помощь Грузии во время топливного кризиса. Когда же в июне 2007 г. официальный Тбилиси принимал решение об увеличении грузинского военного контингента в Ираке, то с иранской стороны также были проведены консультации. В 2009 г. представители Исламской республики заявили о неготовности признать независимость Абхазии и Южной Осетии, поддержав, таким образом, территориальную целостность Грузии¹⁰⁰.

Многие годы Иран последовательно продвигает свое видение системы региональной безопасности Большого Кавказа. Она видится как формат «3+3». Две «тройки» образуют Армения, Азербайджан и Грузия, а также Иран, Россия и Турция¹⁰¹. И хотя Иран встречает в штыки западное присутствие в регионе и не готов взаимодействовать с США и Евросоюзом в деле урегулирования конфликтов в Закавказье, его позиция как страны, приверженной исключительно дипломатическим методам и противящейся силовому разрушению статус-кво¹⁰² может рассматриваться как перспективный политический ресурс.

Многие годы Иран последовательно продвигает свое видение системы региональной безопасности Большого Кавказа. Она видится как формат «3+3». Две «тройки» образуют Армения, Азербайджан и Грузия, а также Иран, Россия и Турция.

Будущее Закавказья: стабильная нестабильность или нестабильная стабильность?

На сегодняшний день говорить о едином сценарии развития этнополитических конфликтов в Закавказье не приходится. В каждом из них присутствуют свои специфические черты.

Так, в Абхазии и Южной Осетии интересы России и США жестко противостоят друг другу. Сами же конфликтующие стороны (Тбилиси, Сухуми и Цхинвали)

⁹⁹ Месамед В.И. Иран и нагорно-карабахский конфликт // Институт Ближнего Востока, 8 декабря 2013 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18961>

¹⁰⁰ По словам посла Ирана в Москве Сейеда Махмудрезы Саджади (февраль 2009 г.), признание Абхазии и Южной Осетии Тегераном «в ближайшем будущем» не произойдет, так как «может вызвать войны во многих регионах». Подробнее см.: Iran Not to Recognize Abkhazia, S. Ossetia's Independence Soon // Wayback Machine, 7 February 2009. URL: <http://web.archive.org/web/20090813205746/http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8711191718>

¹⁰¹ Иран на Южном Кавказе: 3+3 против 3-3 // ИА Регнум, 4 мая 2003 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/112408.html>

¹⁰² Zarif concerned about Karabakh conflict, calls for de-escalation // Islamic Republic News Agency, 5 April 2016. URL: <http://www.irna.ir/en/News/82023467>

ориентируются на противоборствующие центры силы. В Нагорном Карабахе Москва и Вашингтон взаимодействуют, несмотря на расхождения по абхазской и югоосетинской ситуациям (что в очередной раз подтвердила военная эскалация в апреле 2016 г.), а Армения и Азербайджан заинтересованы в сохранении и американской, и российской медиации. Если Турция и Иран активно (хотя каждый по-своему) вовлечены в нагорно-карабахский процесс, то в абхазском и югоосетинском урегулировании они участия не принимают.

По итогам «пятидневной войны» 2008 г. в двух конфликтах установился новый статус-кво, де-факто раздел сфер влияния. Москва усилила свои позиции в Абхазии и в Южной Осетии, а Вашингтон и Брюссель – в Грузии. Но даже между этими двумя конфликтами есть существенные различия. Если Абхазия ориентирована на строительство собственной национальной государственности (другой вопрос, насколько эта задача реалистична), то Южная Осетия рассматривает в качестве перспективы тот или иной вариант интеграции или объединения с Россией, что, скорее всего, будет воспринято США и ЕС сквозь призму присоединения Крыма со всеми возможными последствиями. В югоосетинском случае гораздо более остро стоит вопрос обустройства границы с Грузией («бордеризация»), что также представляет определенный риск, поскольку может быть интерпретировано как продвижение России вглубь Грузии и нарушение негласного раздела сфер влияния, установленного по итогам военного противостояния 2008 г.¹⁰³

По итогам «пятидневной войны» 2008 г. в двух конфликтах установился новый статус-кво, де-факто раздел сфер влияния. Москва усилила свои позиции в Абхазии и в Южной Осетии, а Вашингтон и Брюссель – в Грузии.

Что касается Нагорного Карабаха, то здесь статус-кво намного более хрупкий. По составу вовлеченных игроков это противостояние более многоцветное, чем конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Более того, парадоксальным образом интересы стран, которые в любом другом конфликте не совпали бы, в карабахском случае не слишком противоречат друг другу. Так, Иран, Россия, ЕС и США не заинтересованы в военной эскалации армяно-азербайджанского конфликта. И даже Анкара, поддерживающая в одностороннем порядке Баку, не может не осознавать нарастания рисков со стороны Москвы и Тегерана (впрочем, позиция Вашингтона при таком варианте, скорее всего, не будет благожелательной) в случае открытого турецкого вовлечения в военное противоборство.

В этой связи резкое изменение регионального статус-кво по воле единого центра принятия решений (или двух центров, находящихся в состоянии конфронтации), кажется маловероятной. Наиболее возможным представляется развитие каждого из этнополитических противоборств по собственному алгоритму.

Самым опасным в будущем останется конфликт в Нагорном Карабахе, где конфликтующие стороны не разделены миротворцами, инциденты между ними практически не прекращаются (несмотря на договоренности о прекра-

¹⁰³ Гамцемлидзе Д. Почему Грузия разочаровывается в прозападном курсе // Московский центра Карнеги, 23 июля 2015 г. URL: <http://www.carnegie.ru/2015/07/23/ru-60818/ijpr>

щении огня, достигнутые 5 апреля 2016 г.), а дипломатические переговоры не приводят к достижению компромиссов.

Самым опасным в будущем останется конфликт в Нагорном Карабахе, где конфликтующие стороны не разделены миротворцами, инциденты между ними практически не прекращаются.

В этой связи наиболее вероятным сценарием представляется «динамичный статус-кво», при котором конфликт не будет полностью «заморожен». Более того, время от времени противоборствующие стороны будут тестировать возможности друг друга, а также реакцию игроков, вовлеченных в процесс мирного урегулирования. При «динамичном статусе-кво» возможны незначительные изменения территориальной конфигурации конфликта (когда армянские или азербайджанские силы продвнутся и займут территорию в несколько десятков или сотен гектар, не имеющих стратегической важности). Это состояние «ни мира, ни войны» может держаться не один год, в особенности, если страны-посредники, а также региональные игроки (Турция и Иран) будут уравнивать друг друга, блокируя резкие изменения в том или ином направлении. Заинтересованные стороны будут воздействовать на Баку и Ереван с целью возвращения их за стол переговоров после каждого потенциального «тестирования» (не исключено, что апрельская «четырёхдневная война» станет не последней в этом ряду, это коснётся не только продолжительности противостояния, но и его интенсивности).

Это состояние «ни мира, ни войны» может держаться не один год.

Впрочем, главная опасность «динамичного статус-кво» состоит в том, что наращивание количества инцидентов рано или поздно может привести к качественным изменениям, когда и посредники окажутся не в состоянии остановить маховик насилия. В этой связи многое зависит от умения и воли сил, вовлеченных в поддержание военного баланса на линии соприкосновения. Любое его резкое (и тем более обвальное) изменение может привести к необратимым последствиям. Перерастание «динамичного статуса-кво» в войну чревато втягиванием в противостояние, прежде всего ближайших соседей. И хотя российско-турецкие отношения, начиная с лета 2016 года, заметно улучшились, противоречия между Москвой и Анкарой по Ближнему Востоку сохраняются. И они могут стать негативным фоновым фактором, который будет оказывать воздействие на ситуацию на Кавказе в целом, и в Нагорном Карабахе в частности¹⁰⁴. Однако сдерживающим фактором для «военного сценария» служат опасения самих конфликтующих сторон по поводу затягивания конфликта (что неизбежно влечет за собой новый виток интернационализации Закавказья и понижения уровня политической субъектности самих конфликтующих государств).

¹⁰⁴ Россия удерживает Турцию и Сирию от столкновения // Вестник Кавказа, 5 декабря 2016 г. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/Rossiya-uderzhivaet-Turtsiyu-i-Siryu-ot-stolknoveniya.html>; Despite Rapprochement, Turkey-Russia Relations Remain Uneasy Over Syria // New Eastern Outlook, 30 November 2016. URL: <http://www.journal-neo.org/2016/11/30/despite-rapprochement-turkey-russia-relations-remain-uneasy-over-syria/>

Сценарий достижения компромисса в нынешних условиях кажется маловероятным и как минимум проблематичным на ближайшую перспективу. Выборочного сотрудничества Запада и России на карабахском направлении явно недостаточно для принуждения сторон к миру (что вовсе необязательно предполагает использование военного инструментария – дипломатического и экономического вполне может быть достаточно). Сами же стороны не демонстрируют готовности к компромиссному решению.

Сценарий достижения компромисса в нынешних условиях кажется маловероятным и как минимум проблематичным на ближайшую перспективу.

Военная эскалация в Абхазии и в Южной Осетии в ближайшем будущем практически исключается. В отличие от ситуации 2008 г. Грузия сегодня не имеет контроля над такими стратегически важными участками, как Кодорское ущелье, Ахалгорский (Ленингорский) район и Лиахвский коридор, а Запад не готов к открытой военной конфронтации с Россией, имеющей объединенные военные базы на территории двух республик¹⁰⁵. В этой связи сценарий сохранения статус-кво-2008 представляется наиболее вероятным. Тем не менее, нельзя исключать и другие варианты. Цхинвали и стоящая за югоосетинским руководством Москва отложили референдум о статусе Южной Осетии до 2017 г. За это время в республике пройдут выборы президента. В Грузии после выборов в октябре 2016 года появился новый состав парламента, в котором «Грузинская мечта», выступающая за нормализацию отношений с Россией, получила конституционное большинство¹⁰⁶. И хотя приход в Белый дом новой американской администрации не гарантирует улучшения отношений между Москвой и Вашингтоном, определенные надежды на позитивное развитие сохраняются.

Военная эскалация в Абхазии и в Южной Осетии в ближайшем будущем практически исключается.

В случае активизации связей между Грузией и НАТО, особенно в случае приема Тбилиси в Североатлантический Альянс, статус Южной Осетии также может быть изменен, поскольку такой шаг может быть расценен как нарушение баланса сил, установленного после «пятидневной войны». В этом случае можно ожидать новых санкций со стороны Запада, как и его большую консолидацию на антироссийской основе, поскольку сторонники мягкой линии в отношении России при таком варианте будут лишены аргументации, а «хардлайнеры», напротив, укрепят свои позиции. Впрочем, если Грузия не станет членом НАТО, а новые власти в этой стране не свернут с курса на нормализацию (пусть и ограниченную рядом «красных линий»), Москва вряд ли пойдет по пути пересмотра своего подхода к признанию югоосетинской независимости. По крайней мере, рациональных причин для этого нет. Факт переноса референдума на год показывает неготовность России к автома-

¹⁰⁵ В Абхазии дислоцируется 7-я военная база вооруженных сил РФ, а в Южной Осетии — 4-я (в каждой из них несут службу по 4 тыс. человек).

¹⁰⁶ «Грузинская мечта» получает конституционное большинство в парламенте // Кавказский узел, 31 октября 2016 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/291813>

тической мультипликации крымского опыта на Кавказе. Если новый состав парламента и правительства Грузии продолжат текущий курс на российском направлении, статус-кво-2008 для Южной Осетии будет наиболее вероятной опцией.

Если новый состав парламента и правительства Грузии продолжат текущий курс на российском направлении, статус-кво-2008 для Южной Осетии будет наиболее вероятной опцией.

Таким образом, стабилизация Закавказья путем урегулирования имеющихся конфликтов не выглядит близкой перспективой. Однако купирование рисков и минимизация угроз представляется возможной задачей. Именно ее решение позволило бы найти прагматические основания для выстраивания следующего этапа – разрешения этнополитических противостояний.

4. Конфликты в Центральной Азии

Важность конфликтов в Центральной Азии определяется двумя базовыми факторами. Первый фактор – большая численность населения. На данный момент в регионе проживает почти 70 млн чел. Население Центральной Азии больше, чем население бывших советских республик в Восточной Европе от Эстонии до Украины вместе взятых, в три раза больше довоенного населения Сирии и лишь немного уступает населению Турции или Ирана. Поэтому любой крупный конфликт в регионе, *безусловно*, вызовет большие человеческие жертвы и массовый исход беженцев. Второй фактор – в рамках «поворота на Восток» конфликтный потенциал Центральной Азии будет оказывать существенное влияние на отношения России с одной стороны, и Китая, Турции и других азиатских стран – с другой.

Рассуждая о конфликтах в Центральной Азии, необходимо в первую очередь говорить о комплексе противоречий по четырем основным направлениям.

Во-первых, это пограничные споры между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. За 25 лет после распада СССР страны Центральной Азии, за исключением Казахстана, не провели полноценной делимитации и демаркации своих границ. В первую очередь это касается внутренних границ, так как рубежи с Ираном и Афганистаном были делимитированы и демаркированы ещё во времена Советского Союза, а Китай, в свою очередь, обозначил и провел демаркацию границы с Кыргызстаном, Таджикистаном и Казахстаном в период 1994–2012 гг. Наиболее остро проблема границы стоит в отношениях Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Ситуация осложняется наличием густонаселенных анклавов на территории сопредельных государств, при этом невозможно четко очертить границу – иногда она проходит по улице населенного пункта. Неопределенность границ ведет к попыткам в одностороннем порядке провести демаркацию, что вызывает серьезные инциденты вплоть до перестрелок между пограничниками. К тому же в 2000–2001 гг. Узбекистан произвел минирование границы с Таджикистаном и Кыргызстаном. Некоторые участки были разминированы в 2004 г., однако из-за отсутствия сотрудничества по вопросу разминирования и точных карт минных полей жители приграничных сел продолжают подрываться на минах. До сих пор сотни километров границ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана не делимитированы и не демаркированы, что остается камнем преткновения в отношениях между этими странами.

Второе направление развития конфликтов в Центральной Азии - споры вокруг использования водных ресурсов. Неравномерность распределения водных ресурсов в регионе обуславливает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Таджикистан и Киргизия) и ее основных потребителей (Узбекистан, Казахстан и Туркмения). Таджикистан вместе с Киргизией заинтересованы использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии для удовлетворения собственных нужд и на экспорт в третьи страны. В свою очередь, Казахстан, Туркмения и Узбекистан настаивают на преимущественно ирригационном характере эксплуатации

как существующих, так и планируемых новых ГЭС. На данный момент основные варианты комплексного урегулирования противоречий между энергетическим и аграрным использованием трансграничного водостока в Центральной Азии зашли в тупик. К счастью, ситуация во многом зависит от крупных внерегиональных сил, которые стремятся избежать стихийной эскалации напряженности. А без внешней помощи амбициозные проекты Таджикистана и Кыргызстана в области гидроэнергетики так и останутся только проектами.

Третий вектор - внутренняя политическая нестабильность и терроризм.

За четверть века с момента обретения независимости страны региона уже успели столкнуться с гражданской войной (Таджикистан), чередой политических переворотов (Кыргызстан) и вооруженными мятежами (Узбекистан). В странах региона существует разветвленная сеть исламистского подполья. Несмотря на серьезное давление и репрессии со стороны правительств региона, члены исламистских групп хорошо организованы, тесно сплочены и настроены весьма решительно. Их наиболее радикальная часть неоднократно предпринимала насильственные действия в отношении представителей власти и правоохранительных органов, вплоть до попыток вооруженного мятежа, как это было в 2005 г. в Андижане. Для стран Центральной Азии по-прежнему остается проблемой эффективное осуществление власти и участие в политическом процессе широкого спектра общественных сил. Противоречия между региональными политическими и экономическими элитами бросают вызов внутренней стабильности государств Центральной Азии. Согласно «Рейтингу недееспособности государств – 2015», составленному двумя ведущими исследовательскими и аналитическими организациями США – Фондом мира (*The Fund for Peace*) и журналом *Foreign Policy*, три страны региона (Узбекистан (51 место), Таджикистан (57 место) и Кыргызстан (62 место)) относятся к группе «Высокой степени напряженности» (*High Warring*) наряду с Лаосом, Колумбией и Папуа–Новой Гвинеей. Рейтинг отражает способность (или неспособность) властей контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране.

За последние 10 лет Чуйская область Кыргызстана, Алматинская и Южно-Казахстанская области Казахстана не раз становились ареной межэтнических конфликтов, которые привели к человеческим жертвам и серьезному имущественному ущербу.

Последний по порядку, но не по значению фактор – межэтнические конфликты. Трагические события 2010 г. на юге Кыргызстана в очередной раз напомнили об этой проблеме. Неравномерное распределение населения Центральной Азии приводит к крайней перенаселенности отдельных районов, в которых в условиях дефицита водных и земельных ресурсов, социальных благ (электричество, инфраструктура) и рабочих мест межэтнические отношения остаются напряженными. В качестве примера можно привести сложные отношения в приграничных районах Ферганской долины между киргизами с одной стороны и узбеками и таджиками с другой. Ещё одна зона напряженности расположена в районах, прилегающих к крупными городам, не справляющихся с притоком мигрантов из сельской местности.

За последние 10 лет Чуйская область Кыргызстана, Алматинская и Южно-Казахстанская области Казахстана не раз становились ареной межэтнических конфликтов, которые привели к человеческим жертвам и серьезному имущественному ущербу.

Конфликты в Центральной Азии обладают целым рядом особенностей. Во-первых, структура конфликтов в Центральной Азии очень сложна. Каждый из них имеет сразу несколько измерений. Например, пограничные конфликты между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном одновременно отражают межгосударственные противоречия, территориальные претензии и проблему использования земельных и водных ресурсов. При этом они также имеют этническое и социально-экономическое измерение. В регионе внутренние и внешние факторы настолько тесно переплетены, что любой серьезный конфликт внутри одной страны затрагивает интересы внешних игроков – стран-соседей и ведущих мировых держав.

Во-вторых, степень жестокости и насилия в региональных конфликтах в Центральной Азии традиционно была крайне высока. Противоборствующие стороны неоднократно применяли к своим противникам пытки и расстрелы, убивали и насиловали мирных жителей, сжигали их дома.

В-третьих, на данный момент конфликты в Центральной Азии носят латентный характер, так как их участники предпочитают оказывать друг на друга непрямое воздействие в различных формах: от массовой

Интересы внешних игроков в регионе не сталкиваются, а дополняют друг друга.

информационной кампании, проведения военных учений и поддержки политической оппозиции до транспортной блокады, прекращения поставок энергоносителей или воды. При этом важную роль в региональной политике играет внешний фактор. Свои интересы в регионе имеют как ближайшие соседи – Россия, Китай и Иран, так и игроки, расположенные далеко за пределами региона, – Турция, США и Европейский союз. Уникальность ситуации в регионе состоит в том, что интересы внешних игроков в регионе не сталкиваются, а дополняют друг друга. Россия обладает традиционными инструментами влияния в регионе, в первую очередь военной силой. Китай использует мощные экономические рычаги в рамках проекта «Экономического пояса Шелкового пути». США после завершения операции в Афганистане в 2014 г. сократили военное присутствие в Центральной Азии, однако серьезно преуспели в использовании современных инструментов «мягкой силы» – медийных каналов, образовательных программ, некоммерческих организаций и профессиональных сообществ. Позиции Турции и Ирана сильны за счет традиционных культурных связей и развивающегося экономического сотрудничества. Определенный интерес к региону проявляет и Европейский союз.

В-четвертых, в Центральной Азии, в отличие от постсоветских стран Закавказья или Восточной Европы, отсутствует такое явление, как непризнанные или частично признанные государства. Всем государствам региона удалось сохранить территориальную целостность. Даже в условиях

Россия до сих пор остается ключевым гарантом политической стабильности для Кыргызстана и Таджикистана.

глубокого политического кризиса, как это было в начале 1990-х гг. в Таджикистане или в Кыргызстане во второй половине 2000-х гг., сепаратизм не проявил себя как в случае Приднестровья, Нагорного Карабаха, областей Восточной Украины и других.

В-пятых, в Центральной Азии отсутствует фактор беженцев. Хотя межэтнические столкновения и внутривнутриполитическая нестабильность не раз приводили к массовому исходу людей из зон конфликтов, проблема их возвращения в места постоянного проживания в политической повестке дня не стоит. Беженцы либо вернулись обратно, либо выехали окончательно и не заявляют о праве на возвращение.

В-шестых, серьезное влияние на конфликты в регионе оказывает трудовая миграция. По разным оценкам, на данный момент за пределами Центральной Азии проживает 6–7 млн трудовых мигрантов из региона. Из них около 4 млн находятся в России, кроме этого, крупными центрами притяжения трудовых мигрантов из Центральной Азии также являются Турция (более 0,5 млн чел), Европейский союз и страны Персидского залива. К этому ещё стоит добавить около 5 млн трудовых мигрантов, которые в поисках работы отправляются в другие страны региона, в первую очередь Казахстан, и крупные города.

Полицейский надзор в среде трудовых мигрантов ослаблен, спецслужбам крайне трудно формировать агентурную сеть в диаспорах.

В общей сложности около 11 млн чел. вовлечены во внешнюю и внутреннюю трудовую миграцию, это примерно 15% всего населения Центральной Азии и 1/4 людей трудоспособного возраста в регионе. С одной стороны, это способствует стабилизации в регионе, снижая напряженность в перенаселенных аграрных районах, решая вопросы бедности и безработицы. С другой стороны, в эмиграцию оказались вытеснены многие представители политической и религиозной оппозиции. Полицейский надзор в среде трудовых мигрантов ослаблен, спецслужбам крайне трудно формировать агентурную сеть в диаспорах, поэтому в эмиграции активно развивается деятельность различных оппозиционных структур от умеренных до самых радикальных. Например, большинство выходцев из Центральной Азии, воюющих на стороне ИГ и «Джебхат-ан-Нусра», были завербованы на территории России и Турции. К тому же среди эмигрантов много людей, легально или полунелегально сделавших себе большое состояние, желающих повлиять на политическую ситуацию в Центральной Азии и обладающих для этого достаточными финансовыми и организационными возможностями.

Позиции основных внешних игроков.

Россия – традиционный партнер стран региона в области безопасности и ведущая страна-участница ОДКБ, обладающая самым крупным и боеспособным контингентом в Центральной Азии. До сих пор для Кыргызстана и Таджикистана Россия во многом остается ключевым

гарантом политической стабильности. На данный момент Россия опасается серьезного обострения конфликтов в регионе, включая возможную военную конфронтацию, поскольку это вынудило бы её реагировать, а значит, подвергаться дополнительным рискам вплоть до вовлечения в вооруженное противоборство. Тем более, что три из пяти государств Центральной Азии являются членами ОДКБ, перед которыми у России есть обязательства по защите в случае внешней агрессии.

В последние годы при обострении внутривосточной ситуации, как это было во время ошских событий, когда временное правительство Кыргызстана просило Россию вмешаться, Москва старается дистанцироваться от прямого воздействия на конфликт. При этом Россия, оказывающая странам Центральной Азии серьезную финансовую и техническую помощь, по целому ряду важнейших показателей начала терять свои позиции. Ухудшение экономической ситуации и перспектива медленного роста в ближайшие годы не способствуют укреплению связей России с Центральной Азией, поэтому, скорее всего, она и дальше будет уступать Китаю место главного экономического партнера региона.

Россия до сих пор является ключевым гарантом политической стабильности для Кыргызстана и Таджикистана.

Китай – на сегодняшний день крупнейший экономический игрок в Центральной Азии, которая испытывает серьезные проблемы с привлечением иностранных инвестиций. Россия в силу внутренних проблем в ближайшее время не сможет оказывать существенную экономическую помощь странам Центральной Азии. Инвестиционная привлекательность региона для Европейского союза, США или Японии весьма сомнительна. В этих условиях Китай, обладающий достаточными финансовыми ресурсами и готовый работать в условиях региона, становится практически безальтернативным экономическим партнером. Развивая экономическое сотрудничество, Китай не объявляет страны Центральной Азии сферой своих особых интересов и не проявляет особой активности в области безопасности, предпочитая работать в рамках уже существующих форматов, прежде всего Шанхайской организации сотрудничества, инициативы которой в основном связаны с антитеррористическими действиями. Тем не менее Китай готов защищать свои экономические позиции в регионе, и у него есть потенциал для того, чтобы играть определенную роль в сфере безопасности.

США и Европейский союз. Для Вашингтона и Брюсселя конфликты в Центральной Азии в настоящее время не представляются приоритетной проблемой. Для европейцев гораздо важнее ситуация в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и Северной Африке. Американцы пытаются сформулировать новые принципы внешней политики на фоне прихода к власти новой администрации. Тем более, что по мере сокращения военного присутствия США и НАТО в Афганистане значение Центральной Азии в стратегических расчетах уменьшается. К тому же США и Европейский союз осознают масштабный геополитический сдвиг в Центральной Евразии,

результатом которого становится ослабление связей с евроатлантическим сообществом на фоне усиления влияния Китая.

Турция и Иран ориентированы на решения своих внешнеполитических задач к тому же серьезно увязли в событиях в Сирии и Ираке, поэтому Центральная Азия с ее конфликтным потенциалом также ушла для них на второй план.

Афганистан традиционно рассматривается как потенциальный источник угроз для Центральной Азии в свете перманентной неспособности властей этой страны установить эффективный контроль над всей территорией. К счастью, на данный момент экстремистская угроза со стороны Афганистана контролируется и сдерживается к югу от границ Центральной Азии. Тем не менее сама угроза существует, и радикальные группировки могут воспользоваться кризисом, вызванным экономическими проблемами, политическими репрессиями, сменой руководства или какими-то другими событиями, для активизации своей деятельности. Однако необходимо понимать, что эта угроза носит вторичный характер, в то время как главные источники угроз для безопасности в Центральной Азии находятся внутри региона.

Существуют два основных сценария развития ситуации:

Конфликтный сценарий подразумевает резкое и, возможно, стихийное обострение ситуации, сопровождающееся вспышками насилия и развивающееся по «принципу домино», постепенно вовлекая в конфликт новых участников. В случае подобного развития ситуации главная задача – не допустить развития событий по «сирийскому сценарию», когда во внутренний конфликт вмешиваются внешние системные и внесистемные игроки, которые поддерживают противоборствующие стороны. Действия внешних игроков, по крайней мере системных, должны быть согласованы и направлены на минимизацию негативных последствий. С уверенностью можно говорить, что, к сожалению, вспышки насилия в Центральной Азии в ближайшие годы будут иметь место, главное – не допустить их стихийного перерастания в серьезное и затяжное противостояние.

Управление рисками. Сценарий подразумевает сотрудничество внешних и внутренних игроков с целью планирования и предотвращения рисков, которые могут привести к негативному развитию ситуации. Тем более, что все основные риски хорошо известны, конфликтные зоны и действующие лица достаточно четко обозначены. К сожалению, реализация этого сценария требует сложного процесса согласования интересов и представляется маловероятной.

Об авторах

РЕКЕДА Сергей Вячеславович – главный редактор аналитического портала RuBaltic.Ru, генеральный директор Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при МГУ им. М.В. Ломоносова

ГУЩИН Александр Владимирович – доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ

МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович – доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ

ДАНКОВ Артем Георгиевич – доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета

Российский совет по международным делам

**КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РОЛЬ РОССИИ**

Верстка – О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:

справа вверху: REUTERS/Vladimir Pirogov/Pixstream;

слева внизу: REUTERS/Valentyn Ogirenko/Pixstream;

справа внизу: REUTERS/Staff/Pixstream.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,5. Тираж 350 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru